

С.С. ВАН ДАЙН

СМЕРТЬ КОЛЛЕКЦИОНЕРА

чай, кофе
и убийства

Стивен С. Ван Дайн
Смерть коллекционера
Серия «Фило Вэнс», книга 6
Серия «Чай, кофе и убийства»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24115986
С. С. Ван Дайн. Смерть коллекционера: ООО «Издательство АСТ»;
Москва; 2017
ISBN 978-5-17-102861-9

Аннотация

Загадочное убийство братьев Коу потрясло мир коллекционеров и продавцов антиквариата.

Оба убиты в собственном доме... В запертой изнутри спальне найдено тело старшего брата, а спустя несколько часов в гардеробной обнаруживают труп младшего.

Полиция заходит в тупик, и знаменитый сыщик Фило Вэнс начинает расследование...

Содержание

Глава 1. Запертая спальня	6
Глава 2. Мертвец	22
Глава 3. Потрясающее открытие	35
Глава 4. Странное вмешательство	49
Глава 5. Избитая собака	65
Глава 6. Трость с костяным набалдашником	79
Конец ознакомительного фрагмента.	86

С. С. Ван Дайн

Смерть коллекционера

S. S. Van Dine

The Kennel Murder Case

© Школа перевода В. Баканова, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

*Посвящается Американскому клубу
шотландских терьеров*

Действующие лица:

Фило Вэнс

Джон Ф. К. Маркхэм, окружной прокурор Нью-Йорка

Эрнест Хис, сержант убойного отдела

Арчер Коу, коллекционер китайского фарфора

Брисбен Коу, его брат

Рэймонд Рид, дилетант, друг семьи Коу

Хильда Лейк, племянница Арчера и Брисбена Коу

Синьор Эдуардо Грасси, представитель Миланского музея искусства Востока

Лян Цун Вей, повар в доме Коу

Гэмбл, дворецкий в доме Коу

Люк Энрайт, коммерсант

Майор Джулиус Хиггинботтом, заводчик шотландских

терьеров

Энни Кочрейн, горничная

Хеннесси, детектив убойного отдела

Берк, детектив убойного отдела

Сниткин, детектив убойного отдела

Салливан, детектив убойного отдела

Эмери, детектив убойного отдела

Гилфойл, детектив убойного отдела

Капитан Дюбуа, эксперт-криминалист

Детектив Беллами, эксперт-криминалист

Питер Квакенбуш, фотограф

Доктор Эмануэл Доремус, патологоанатом

Суокер, секретарь окружного прокурора

Карри, камердинер Вэнса

Глава 1. Запертая спальня

(Четверг, 11 октября, 8.45)

Ровно через три месяца после блистательного раскрытия нашумевшего «Дела Скарабея» Фило Вэнс оказался втянут в новое расследование. Причем за четыре года, что Джон Ф. К. Маркхэм занимал должность окружного прокурора Нью-Йорка, в этом городе не совершалось преступления более запутанного и отягощенного роковыми случайностями.

Столь загадочным и даже мистическим представлялось это убийство, столь необъяснимы и противоречивы были факты, что полиция уже готовилась внести данный случай в список нераскрытых дел – иными словами, поставить на расследовании жирный крест. И кто бы упрекнул господ детективов, ведь в анналах современной криминалистики едва ли сыщется убийство, столь явно попирающее законы рациональности, коими испокон веков живет человечество. Сержант Эрнест Хис, человек отважный, мужественный и прямодушный, так и сказал: «Гиблое дело». Невнимательный наблюдатель решил бы, что в этом убийстве не обошлось без колдовства, тайных искусств и сверхъестественных способностей убийцы; недаром ведь каждая версия неизменно упиралась в глухую стену.

Дело это явно принадлежало к разряду так называе-

мых идеальных преступлений, которые высоко ценятся детективами-любителями, во-первых, за букет интеллектуальных удовольствий, а во-вторых, за возможность предаваться этим удовольствиям, не покидая любимого кресла. Да, так казалось на первый взгляд. Ибо к необъяснимости мотивов убийцы прилагалась поистине мистическая череда событий, словно измышленных извращенной фантазией прихотливого божества.

Занятно, что именно избыточное рвение убийцы перевести все подозрения на невиновного и пробило, образно выражаясь, дыру в стене таинственности – пусть и на миг. Сквозь эту дыру Вэнс успел разглядеть проблеск света. Идя на этот свет, Вэнс проявил чудеса проницательности, каких, пожалуй, не проявлял за всю свою карьеру детектива. Познания в сферах, не имеющих никакого касательства к преступному миру, в совокупности с едва ли не сверхъестественной способностью проникать в человеческие души позволили Вэнсу заметить, казалось бы, маловажные обстоятельства и построить на них разгромный силлогизм.

Несколько лет Вэнс был заводчиком шотландских терьеров. Его питомник находился в Нью-Джерси, в часе езды от Нью-Йорка; много времени Вэнс посвящал изучению родословных и вопросам селекции, целью которой было получение идеального, по его мнению, скотча с определенными характерными чертами. Нетерпение, с каким Вэнс ждал результатов своей работы, заставляло думать, что собаки зани-

мают первое место среди его увлечений. Право слово, покупка акварели Сезанна или счастливое обнаружение китайской нефритовой статуэтки среди современных поделок сообщали глазам Вэнса тот же блеск, что и победа на шоу одной из его собак.

Я намеренно останавливаюсь на этом обстоятельстве — или, если угодно, особенности. Так случилось, что при взгляде на потерявшуюся собаку Вэнс безошибочно определил и родословную ее, и выставочные качества, что указало ему путь к разгадке одной из фаз преступления, которое я намерен описать на этих страницах.

Ко второй фазе Вэнса направило давнее увлечение китайским фарфором. У себя дома, на Тридцать восьмой Восточной улице, Вэнс держал небольшую, но впечатляющую коллекцию китайского антиквариата. Все это были ценности, достойные украсить любой музей; Вэнс приобрел их во время странствий. Он также написал немало статей о Востоке и восточном искусстве для целого ряда журналов. Статьи касались главным образом монохромов эпох Сун и Мин.

Скотчтерьеры и китайский фарфор! Согласитесь, неожиданное сочетание. Тем не менее без познаний в обеих этих несхожих областях загадочное убийство Арчера Коу в его собственном особняке на Семьдесят первой Западной улице так и осталось бы нераскрытым.

Поначалу случай казался весьма обыденным. Он не сулил сенсации, не требовал ухищрений разума. Однако уже через

час после того, как Маркхэму позвонил дворецкий Арчера Коу, служащим обеих организаций – и конторы окружного прокурора, и полицейского департамента Нью-Йорка – стало ясно: они имеют дело с самым ошеломляющим и запутанным, с самым таинственным убийством наших дней.

Едва пробило половину девятого утра (было одиннадцатое октября), как зазвенел дверной колокольчик в доме Вэнса, и Карри, старик-англичанин, много лет служивший у него камердинером и мажордомом, провел Маркхэма в библиотеку. Я в то время жил в квартире Вэнса – двухуровневой, с садом на крыше. Меня держала здесь работа юридического и финансового характера, накопившаяся за несколько месяцев, ибо Вэнс уговорил меня сопровождать его в путешествии по Средиземному морю, каковое путешествие предпринял сразу после расследования убийства Скарабея. Мы с Вэнсом вместе учились в Гарварде; вскоре после окончания курса я стал его юридическим консультантом и управляющим (должность, предполагающая дружескую привязанность к нанимателю). Дела Вэнса не оставляли мне времени на другие занятия, а двухмесячный перерыв означал неизбежную сверхурочную работу впоследствии.

В то осеннее утро я проснулся в семь часов и к приходу Маркхэма успел разобраться с изрядным количеством погашенных чеков и банковских выписок.

– Продолжайте работу, Ван Дайн, – сказал мне Маркхэм, кивнув весьма небрежно. – Я сам займусь нашим сибаритом.

Несколько взволнованный, Маркхэм исчез в смежной с библиотекой спальне Вэнса.

Голосом, в котором слышались повелительные нотки, он позвал Вэнса и получил в ответ красноречивый стон.

– Полагаю, свершилось убийство, – зевнул Вэнс. – Ничто, кроме крови, не могло направить ваши стопы, Маркхэм, к моему будуару в столь безбожную рань.

– Нет, не убийство... – начал было возражать Маркхэм.

– Который час? – перебил Вэнс.

– Восемь сорок пять.

– Этакая рань – и не убийство! – Вэнс спустил ноги с кровати. – Очень интересно. Позвольте предположить – неужто вы нынче венчаетесь?

– Арчер Коу покончил с собой, – чуть срывающимся голосом объявил Маркхэм.

– Боже! – Вэнс встал и прошелся по комнате. – Это еще более странно, чем убийство. Я жажду подробностей. Присядьте и просветите меня, куда я буду пить кофе.

Маркхэм вышел в библиотеку, сопровождаемый Вэнсом, который был облачен в сандалии и расшитое мандаринское кимоно. Вэнс позвонил, велел Карри принести кофе по-турецки. Отдавая приказания, он устраивался в кресле в стиле королевы Анны и прикуривал сигарету своей любимой марки «Реджи».

Маркхэм, однако, не сел. Он остался стоять возле каминной полки, не сводя с Вэнса прищуренных, вопрошающих

глаз.

– Что вы имели в виду, сказав, будто самоубийство Коу еще более странно, чем убийство?

– Расслабьтесь, эзотерика тут ни при чем, – снова зевнул Вэнс. – Если бы некто отправил старину Арчера в мир иной, в этом не было бы ничего особенного. Ибо старина Арчер только и делал, что настраивал против себя ближних своих. Едва ли можно назвать его милягой, едва ли хоть в одном человеке он возбудил чувство светлой привязанности. Впрочем, кому я рассказываю... А вот в том, что Коу наложил на себя руки, я усматриваю нечто дьявольски замечательное. Коу не имел суицидальных наклонностей. Для этого он был слишком эгоцентричен.

– Пожалуй, вы правы. Я сам думал об этом, когда велел дворецкому ничего не трогать в комнате покойного.

Карри внес кофе, и Вэнс принялся мелкими глотками потягивать черную дымящуюся жидкость. Через несколько мгновений он заговорил снова:

– Маркхэм, я жду подробностей. Во-первых, почему вам вообще сообщили о трагедии? Во-вторых, что именно сказал дворецкий? В-третьих, почему вы нарушили мой сон? Итак, я вас слушаю. Почему? Почему? И наконец, почему? Разве вы не видите, что меня разбирает любопытство, совершенно не поддающееся контролю? – Вэнс зевнул и закрыл глаза.

– Я направлялся к дому Коу, – начал Маркхэм, явно задетый безразличием Вэнса. – И подумал: быть может, вы тоже

не прочь туда проследовать, по вашему же любимому выражению? – Его слова были пропитаны сарказмом.

– Проследовать... – повторил Вэнс. – Почему бы и нет? Впрочем, не хотелось бы ковылять вслепую. Сделайте одолжение, просветите меня. Труп не убежит – можно и помешкать.

Маркхэм заколебался. По всем признакам он был не в своей тарелке и очень хотел, чтобы Вэнс пошел с ним. Как он уже сообщил, у него тоже имелись некие соображения.

– Хорошо, – наконец сказал Маркхэм. – Слушайте. Сегодня в девятом часу дворецкий Арчера Коу – подобострастный и угодливый Гэмбл – позвонил мне домой. Он был крайне встревожен. Запинаясь и заикаясь, хриплым голосом Гэмбл сообщил, что Арчер Коу застрелился, и стал умолять меня немедленно прийти. Первой моей мыслью было велеть ему позвонить в полицию; однако, руководствуясь неким соображением, я спросил, почему он звонит именно мне. Гэмбл сказал, что следует совету Рэймонда Рида...

– Вот как!

– Похоже, сначала он позвонил Риду. Вы же знаете: Рид входит в дом Коу. Он тотчас явился на место происшествия.

– И посоветовал дворецкому позвонить вам. – Вэнс сделал глубокую затяжку. – Вероятно, Рид тоже заметил определенные странности. Что еще вам известно?

– Только то, что труп обнаружен в запертой спальне.

– Спальня заперта изнутри?

– Вот именно.

– Удивительно!

– В восемь, как всегда, Гэмбл понес завтрак хозяину. Постучался. Не получил ответа...

– И преник к замочной скважине, не так ли? Да-да, милый мой Маркхэм, это в обычае у дворецких. Когда-нибудь – ловите меня на слове – я таки улучу минутку и изобрету замочную скважину, преникнув к которой ни один дворецкий ничего не разглядит. Вы не задумывались, Маркхэм, насколько спокойнее жилось бы в этом мире, если бы не досадная привычка дворецких смотреть сквозь замочные скважины?

– Нет, Вэнс, не задумывался, – слегка раздраженно отвечал Маркхэм. – У меня неподходящий склад ума. Вам же сам Бог велел этим заняться... А пока вы тянете с изобретением непроницаемой замочной скважины, Гэмбл разглядел-таки своего хозяина, сидящего в кресле, с револьвером в руке и пулевым ранением в правый висок...

– И я не ошибусь, если предположу, что Гэмбл добавил: лицо хозяина было мертвенно-бледно... Так?

– Именно.

– А куда, скажите на милость, подевался Брисбен Коу? Почему Гэмбл позвонил Риду, а не позвал брата Арчера?

– Брисбена Коу нет дома. Он сейчас в Чикаго.

– Неужели? Весьма удобно, не правда ли? Значит, Рид, явившись в дом, посоветовал Гэмблу сразу звонить вам, зная, что вы дружны с братьями Коу. Так?

– Да, насколько я понимаю.

– Вы же, зная, что я неоднократно посещал Коу по разным поводам, решили прихватить меня с собой в дом покойного с целью устроить совещание друзей семьи?

– Так вы идете или нет? – спросил Маркхэм, выказав очередной признак раздражения.

– Конечно, иду, – сладко пропел Вэнс. – Только, сами понимаете, я не могу покинуть дом в халате. – Вэнс встал и направился в спальню. – Я должен облачиться в приличествующий случаю костюм. – На пороге спальни он замер. – А знаете, почему я принял ваше приглашение, милый Маркхэм? Потому что нынче, в три часа пополудни, у меня была назначена встреча с Арчером Коу. Покойный хотел похвалиться своим последним, не побоюсь этого слова, приобретением – парными вазами. На этих вазах, четырнадцати дюймов в высоту, изображены цветущие персиковые деревья. А вам, Маркхэм, следует понимать, что коллекционер, недавно раздобывший подобные вазы, едва ли пожелает столь скоро расстаться с жизнью.

Сделав это замечание, Вэнс исчез, а Маркхэм заложил руки за спину и в глубоком раздумье уставился на дверь. Через некоторое время он закурил сигару и принялся ходить по комнате – туда-сюда, туда-сюда.

– Не удивлюсь, если Вэнс окажется прав, – бормотал Маркхэм. – Он только что облек в слова мои собственные подозрения.

Через несколько минут появился Вэнс, полностью одетый.

– Какой вы молодец, что зашли за мной, – произнес Вэнс, небрежно улыбнувшись Маркхэму. – Определенно, данное дело сулит нам с вами ряд захватывающих открытий... Кстати, Маркхэм, разве не удобно было бы прихватить и нашего воинственного сержанта?¹

– Пожалуй, – сухо согласился Маркхэм, нахлобучивая шляпу. – Спасибо, что напомнили. Только я уже позвонил сержанту. Он направляется на место преступления.

Вэнс вскинул брови в притворном удивлении:

– Вот как!.. Что ж, вперед!

Мы уселись в машину Маркхэма, которая ждала у дверей, и на приличной скорости покатали по Мэдисон-авеню. Через Центральный парк мы выскочили в Уэст-Сайд, оказались у въезда на Семьдесят вторую улицу и против движения понеслись к авеню Сентрал-парк-уэст. Свернув на Семьдесят первую улицу, мы приблизились наконец к дому номер девяносто восемь.

Арчер Коу жил в старинном особняке из бурого песчаника, занимавшем сразу два участка. Строили его в те времена, когда идеалами нью-йоркских архитекторов являлись, среди прочего, благородство форм и комфорт. Дом отлично гармонировал с остальными зданиями на улице, которые, впрочем, были одиночными постройками. К каждому при-

¹ Вэнс имеет в виду сержанта Эрнеста Хиса, сотрудника убийного отдела. Хис был ответственным по ряду дел, раскрытых не без участия Вэнса. – *Примеч. авт.*

лагалась лужайка футов в двадцать.

Едва мы ступили на лестницу, ведущую к парадной двери дома Коу, как эта дверь распахнулась. Старик Гэмбл, пунцовый от конфуза, не дождался, пока мы нажмем на медную кнопку старинного дверного звонка. Даже стоя несколькими ступенями выше нас, он умудрялся глядеть подобострастно.

– Ох, мистер Маркхэм, как хорошо, что вы пришли! – Свой скрипучий голос Гэмбл щедро сдабривал елеем угодливости. – Ужас-то, ужас! Ох, сэр, до чего ж я напугался! В голове у меня этак помутилось, стою и не соображу никак, что теперь делать-то...

Маркхэм без церемоний отодвинул Гэмбла, и мы вступили в тускло освещенный холл. На полу лежал длинноворсовый ковер, тяжеловесные холсты создавали эффект ниш в стенах, оклеенных штофными обоями. Лестничный пролет приглашал проследовать по ковру далее и выше, но лестничная площадка тонула во мраке. С правой стороны темнели занавеси цвета бордо, за которыми явно скрывалась дверь-купе. Точно такие же занавеси слева были раздвинуты, и сквозь распахнутую дверь виднелась гостиная, перегруженная разнообразными предметами антикварной мебели.

Из гостиной навстречу нам вышли двое джентльменов. В одном я сразу узнал Рэймонда Рида. Его я неоднократно встречал в доме Коу, когда Вэнс, приглашенный оценить очередное фарфоровое или бронзовое приобретение Арчера, брал меня с собой за компанию. Мне было известно, что

Рэймонд Рид близок семье Коу, особенно – Хильде Лейк, племяннице Арчера. Риду было далеко за тридцать, он уже начал седеть. Его несколько лошадиное лицо носило отпечаток аскетизма и спокойствия. Досуг он посвящал серьезным, обстоятельным книгам. Интерес к китайскому фарфору являлся, вероятно, результатом давнего общения с Коу, истинной же страстью Рида были старинные масляные лампы. По слухам, за его коллекцию Метрополитен-музей предлагал целое состояние.

Во время обмена приветствиями в серых, широко расставленных глазах Рида мелькнуло замешательство.

Маркхэму, которого он едва знал, Рид поклонился весьма церемонно; мне кивнул с небрежностью; Вэнсу протянул руку. Затем, как бы внезапно что-то вспомнив, повернулся к другому джентльмену, что следом за ним вышел из гостиной, и представил его. Точнее, дал о нем справку.

– Синьор Грасси² уже несколько дней гостит в доме Коу. Мистер Грасси – официальный представитель Миланского музея искусства Востока.

Грасси поклонился очень низко, однако не проронил ни слова. Ростом пониже Рида, он был строен и гибок. Безукоризненный костюм, блестящие черные волосы зачесаны со

² Позднее я узнал, что Грасси состоит в отдаленном родстве со знаменитым итальянским врачом, который совместно с Бастианелли продолжил исследования Роналда Росса и доказал, что разновидность москита под названием *Anopheles* является единственным насекомым – переносчиком малярии и что иными путями это заболевание не передается. – *Примеч. авт.*

лба назад, в смуглом лице ни кровинки, а большие лучистые глаза только подчеркивают благородную бледность. Черты лица правильные, губы полные и красиво очерченные, жесты ухоженных рук по-кошачьи мягки. В первый момент я подумал, что Грасси подозрительно женоподобен; события последующих дней полностью развеяли это впечатление.

Маркхэм не стал разводить церемоний.

– Так что здесь случилось? – приступил он к Гэмблу. – Сержант и патологоанатом прибудут с минуты на минуту.

– Я ж по телефону все рассказал вам, сэр! – За подобострастием дворецкого явно угадывался страх. – Я как увидел хозяина в замочную скважину, так мигом понял – мертвый он. Ох, как же я испугался! Хотел сразу дверь взломать. А потом и думаю: нет, дело нешуточное, тут совет нужен. Мистер Брисбен Коу – в Чикаго, потому я позвонил мистеру Риду и упросил его прийти. Мистер Рид тотчас явился, тоже поглядел в скважину и говорит: Гэмбл, звоните мистеру Маркхэму, он разберется, а наше дело – ничего не трогать...

– Было ясно, – подхватил Рид, – что бедняга Коу мертв, и я подумал: нужно все оставить как есть до прибытия официальных лиц. Поэтому мы и не взломали дверь.

Вэнс посмотрел на Рида с настораживающей пристальностью.

– Какой мог быть в этом вред? – вкрадчиво поинтересовался он. – Раз дверь заперта изнутри, значит, Арчер Коу покончил жизнь самоубийством, не так ли?

– Может, вы и правы, мистер Вэнс, – смутился Рид, – однако некий инстинкт – если хотите, шестое чувство – нашепывал мне, что лучше все-таки...

– Да, пожалуй. – Вэнс достал портсигар. – Вы тоже не верите в эту версию – несмотря на декорации.

Рид вздрогнул и вперил взгляд в Вэнса.

– Арчер Коу, – раздумчиво продолжал Вэнс, – не имел суицидальных наклонностей, верно?

– Вроде нет. В смысле, да. То есть не имел. – Рид по-прежнему не мигая смотрел на Вэнса.

Вэнс прикурил сигарету.

– Ваши действия, мистер Рид, представляются мне весьма продуманными.

– Довольно слов! – воскликнул Маркхэм и первым шагнул на лестницу, повелительно махнув Гэмблу. – Где мертвец?

Дворецкий поплелся вверх по ступеням. Маркхэм, Вэнс и я последовали за ним, а Рид и Грасси остались в холле. Оказавшись на лестничной площадке, Гэмбл пошарил по стене, щелкнул выключателем. Зажегся свет. Прямо перед нами обозначилась широкая дверь, инкрустированная слоновой костью. На нее-то, не сойдя с места и не произнеся ни слова, указал Гэмбл.

Маркхэм приблизился к двери, подергал ручку. Затем стал на колени и заглянул в замочную скважину. Когда он поднялся, лицо его было мрачно.

– Кажется, наши подозрения безосновательны, – вполго-

лоса произнес он. – Коу сидит в кресле, в правом виске у него дырка, правая рука стискивает револьвер. Горит электрический свет... Взгляните сами, Вэнс.

Вэнс в это время рассматривал царапину на обоях.

– Покамест мне достаточно вашего описания, Маркхэм, – заговорил он, растягивая слова. – Из коего я могу сделать вывод, что зрелище не отличается приятностью. Вдобавок я все разгляжу гораздо лучше, когда мы взломаем дверь... А вот обратите-ка внимание на эту вещичку. Ранний Марин³. Весьма впечатляет. Заметьте: уже в тот период его произведения отличало безошибочное чутье на композиционный строй, какое мы наблюдаем в более поздних акварелях...

Затрезвонил дверной звонок, и Гэмбл, спеша отворить, почти скатился с лестницы. В дом торопливо вошли двое – сержант Эрнест Хис и детектив Хеннесси.

– Поднимайтесь к нам, сержант, – позвал сверху Маркхэм. Хис и Хеннесси затопали по лестнице.

– Доброе утро, сэр! – Сержант приветливо протянул Маркхэму руку и покосился на Вэнса. – Так и знал, что без вас не обойдется. Где труп – там мистер Вэнс; это уже закон такой.

Впрочем, улыбка в адрес Вэнса отличалась сердечностью, а в голосе слышалось восхищение.

– Некогда разговоры разговаривать, сержант, – оборвал

³ Имеется в виду британский художник-экспрессионист Джон Марин (1870–1953). – *Здесь и далее примеч. пер., кроме особо оговоренных случаев.*

Маркхэм. – Как вы правильно заметили, в этой комнате находится труп, а дверь заперта изнутри. Сделайте одолжение – взломайте ее.

Хис без единого слова навалился на крестовину двери, но последняя не поддавалась. При второй попытке что-то хрустнуло в плече сержанта.

– Подсобите мне, Хеннесси, – попросил он. – Задвижка-то, я погляжу, без дураков сделана. Да и древесина что надо.

Вдвоем они поднажали, и вскоре послышался характерный скрип. Шурупы, удерживавшие задвижку, ослабли.

Пока Хис и Хеннесси пыхтели над дверью, Рид и Грасси тоже поднялись по ступеням, сопровождаемые Гэмблом, и встали за спинами Маркхэма и Вэнса.

Еще немного усилий – и тяжелая дверь отворилась вовнутрь, открыв перед нами комнату, где произошла трагедия.

Глава 2. Мертвец

(Четверг, 11 октября, 9.15)

Спальня, расположенная в самой отдаленной части дома, была длинная и узкая, с окнами на две стороны. Напротив двери находился эркер, а слева – два широких окна, выходящих на восток. Темно-зеленые портьеры были задернуты, ни единый луч утреннего света не проникал сквозь тяжелую ткань. Зато в массивной хрустальной люстре сияли яркие электрические лампочки.

В дальнем конце комнаты имелась внушительная кровать с балдахином; покрывало было застелено, подушки взбиты. Судя по идеальному порядку, на кровати нынешней ночью никто не спал. Вообще же спальня Арчера Коу, как и гостиная, грешила чрезмерным обилием мебели. Справа стоял запертый книжный шкаф, где преобладали книги в одну восьмую и одну четвертую долю листа. На дверь глядел овально-изогнутый письменный стол из красного дерева, заваленный книгами, брошюрами, бумагами – стол человека, который немало времени посвящает литературному труду. Внушительный газовый камин из имперской бронзы и венецианского мрамора щеголял уродливыми кариатидами. На стенах я насчитал с дюжину китайских акварелей на свитках. Не будь в комнате кровати и туалетного столика, я – да и любой

другой наблюдатель – принял бы ее за святилище страстного коллекционера.

Впрочем, подробности убранства обозначились позднее. А в первые минуты все наше внимание было сосредоточено на недвижимом теле Арчера Коу, на его спокойном бледном лице, на отвратительной, навевающей суеверный ужас дырке в правом виске. Тело обмякло в кресле, придвинутом к столу. Голова склонилась к левому плечу, приняв неестественное положение, вероятно, от силы выстрела.

Лицо Арчера Коу, тонкое, желчное, аристократичное, с орлиным носом, носило печать умиротворенности. Глаза были закрыты, и казалось, будто Коу не умер, а уснул. Правая рука сползла на самый край стола, однако все еще сжимала массивный револьвер, рукоять которого была инкрустирована слоновой костью. Помню, я еще подивился крупному калибру револьвера. Левая рука съехала с мягкого кресельного подлокотника и висела как плеть.

Поскольку у стола помещалось также виндзорское кресло с прямой спинкой, я дивился еще одному обстоятельству – что побудило Арчера усесться сбоку от стола, напротив двери? Возможно, строгое виндзорское кресло слабо ассоциировалось у него со словом «упокоиться»? Вопрос этот возникал у меня неоднократно в последующие дни; возникал и не находил ответа. Когда же ответ – результат размышлений Вэнса – наконец-то был озвучен, он явился одним из основных звеньев в цепочке улик, коими мы располагали в этом

запутаннейшем деле.

Тело Арчера Коу было облачено в зеленый кашемировый халат длиной почти до щиколоток; однако на ногах его, вытянутых вперед, были тщательно зашнурованные полуботинки с толстыми, добротными подошвами. Я задался новым вопросом: почему, надев халат, Арчер не сменил полуботинки на домашние туфли? Лично мне туфли представлялись гораздо уместнее. Позже оказалось, что и этот вопрос сыграл свою роль в успехе расследования.

Вэнс напрямик направился к мертвому телу, коснулся окоченевшей руки, осмотрел рану на виске. Затем прошел к двери, с минуту изучал задвижку, скользнул взглядом по дубовому дверному косяку, по притолоке. Вернулся к покойнику. Нахмурился. Сунул руку в карман, извлек портсигар. Прикурив, шагнул к западной стене и остановился у поблекшего изображения Учхушмы⁴, датируемого девятнадцатым веком.

Тем временем мы все в молчании столпились вокруг тела Арчера Коу. Рид и Грасси, казалось, только сейчас осознали весь ужас произошедшего. Рид заговорил с Маркхэмом:

– Полагаю, я правильно сделал, что велел Гэмблу связаться с вами прежде, чем взламывать дверь. Теперь мне ясно: если бы в несчастном Арчере теплилась хоть искра жизни...

⁴ Учхушма в пантеоне китайских божеств является победителем демонов. Сохранилось много его изображений. Лучшим из них, пожалуй, располагает Британский музей.

– Последняя искра погасла несколько часов назад, – перебил Вэнс, не отводя взгляда от картины. – Вы не просчитались, мистер Рид.

Маркхэм резко повернулся к Вэнсу:

– Что вы имеете в виду?

– Только одно: будь дверь взломана, спальня набита безутешными друзьями дома, тело многожды проверено на предмет пресловутых признаков жизни, а улики, возможно имеющиеся здесь, затоптаны и захватаны, нам пришлось бы изрядно попотеть, измышляя внятную версию произошедшего в этой комнате нынче ночью.

– А чего тут потеть? Все яснее ясного, – несколько воинственным тоном заговорил Хис. – Этот субчик заперся в спальне и вышиб себе мозги. Тут даже вам, мистер Вэнс, не сочинить ничего оригинального.

Вэнс наконец отвлекся от блеклого Учхушмы и покачал головой.

– Не порите горячку, сержант, – произнес он дружелюбно. – Я вовсе не собираюсь опровергать вашу версию, прекрасную и трогательную в своей безыскусности. О нет, это не моя задача.

– Вы так говорите, будто версию собирается опровергнуть кто-то другой, – с прежней воинственностью сказал сержант. – Ну и кто это?

– Труп, – улыбнулся Вэнс.

Прежде чем Хис нашелся с ответом, Маркхэм, до сих пор

пристально смотревший на Вэнса, обратился к Риду и Грасси:

– Вас, джентльмены, я попрошу подождать на первом этаже... Вы, Хеннесси, ступайте в гостиную и проследите, чтобы мистер Рид и мистер Грасси не покидали дом до моего личного разрешения... Надеюсь, вы с пониманием относитесь к необходимости детально опросить вас обоих сразу после того, как мы получим заключение патологоанатома.

Риду не понравилась властность в голосе Маркхэма; Грасси лишь вежливо улыбнулся и кивнул. Затем оба, в сопровождении Хеннесси, покинули спальню.

– Вы, Гэмбл, ступайте к парадной двери. Сейчас подъедет доктор Доремус – проследите, чтобы ему не пришлось долго ждать ответа на звонок.

Гэмбл поспешно вышел.

Маркхэм закрыл дверь и воззрился на Вэнса, который мрачно глядел на руку покойного, сжимавшую револьвер.

– На что вы все время намекаете? К чему столько загадочности? – с раздражением спросил он.

– Я не намекаю, – спокойно ответил Вэнс, по-прежнему глядя на правую руку мертвеца. – Я размышляю вслух. Видите ли, отдельные аспекты этого впечатляющего преступления весьма меня интригуют.

– Преступления? – усмехнулся Маркхэм. – Конечно, мы, направляясь в дом Коу, говорили о такой вероятности. Я даже готов был согласиться с вами, что Арчер не имел суици-

дальных наклонностей. Но факты – упрямая вещь, и в данном случае они свидетельствуют в пользу одной-единственной версии. Что тут непонятного? Дверь заперта изнутри, другим способом в комнату проникнуть нельзя; Коу держит летальное оружие...

– Умоляю, называйте эту штуковину револьвером, – перебил Вэнс. – Слова «летальное оружие» звучат довольно глупо.

Маркхэм фыркнул:

– Будь по-вашему... Итак, у Арчера Коу в руке револьвер, а в правом виске – дыра. Следы борьбы отсутствуют. Окна закрыты, шторы задернуты, электричество горит. Откуда, скажите ради всего святого, вы взяли, что это не самоубийство?

– Откуда взял – не могу объяснить. – Вэнс пожал плечами. – Только это совершенно точно не самоубийство. – Он снова нахмурился. – Потому-то я и говорю – данное преступление меня интригует. Я склонен усматривать здесь даже некий юмор. Черный, разумеется. Похоже, преступник просчитался, с определенного момента все пошло не так, как он планировал, и карты обернулись против него. Нет, поистине дело в своем роде замечательное!

– А факты куда девать? – упирался Маркхэм.

– Как говорят юристы, с фактами не поспоришь. Вот и вы не спорьте, милый мой Маркхэм, а просто учтите те из них, что не сразу бросаются в глаза.

– Например?

– Например, домашние туфли, – Вэнс указал на пару туфель из мягкой красной кожи, стоявшую подле кровати. – А теперь оцените вот эти тяжелые блюхеры, которые гораздо лучше сочетаются с военным мундиром, нежели с кашемировым халатом. И тем не менее на нашем покойнике одновременно и блюхеры, и халат. И сам он посажен в мягкое кресло. Вот лично вам не кажется, что здесь наличествуют некие несоответствия? Почему Арчер Коу, известный гедонист и ценитель роскоши, не надел расслабляющих комнатных туфель? Заметьте: времени у него было достаточно. Халат мерзкого оттенка – ну да это к слову – застегнут на все пуговицы, пояс завязан великолепным бантом. Едва ли можно предположить, что идея свести счеты с жизнью явилась Арчеру в процессе переодевания в negligé и сию же секунду получила воплощение. И однако нечто остановило Арчера Коу. Нечто вынудило его сесть к столу, вытянуть ноги и навечно закрыть глаза прежде, чем он сменил уличные ботинки на куда более комфортную обувь.

– Честно говоря, не убедили, – нахмурился Маркхэм. – Почему бы человеку не надеть ботинки с халатом? В конце концов, мы живем в свободной стране.

– Не хочу показаться педантом, – пожал плечами Вэнс. – Только примите во внимание следующее обстоятельство. Допустим, Коу действительно покончил с собой. Тогда почему он для этого уселся в кресло, повернутое лицом к две-

ри? Человек, решивший застрелиться, инстинктивно выберет предмет мебели, на котором можно сидеть прямо, опираясь локтем на некую поверхность. Иначе – без опоры – может дрогнуть рука. Если даже Коу и надумал стреляться за столом, ему логичнее было бы сесть в виндзорское кресло, обеими руками облокотиться на стол и таким образом гарантировать себе точность попадания.

– И впрямь рука-то у него, считай, с края сползла, – вставил Хис.

– Вот именно. Весьма неудобное положение, вы не находите? Учитывая скромную высоту мягкого кресла, в котором сидит покойный, Коу едва ли мог в момент выстрела опираться локтем на стол. А раз так, значит, пуля должна была просвистеть у него над головой, не причинив вреда. Смотрите сами – его локоть не доставал до столешницы в тот миг, когда Коу производил выстрел. Если, конечно, выстрел производил именно Коу. Исходя из данных свидетельств, мы можем сделать вывод: после того, как пуля вошла в мозг, Коу поднял правую руку, положил ее на стол, да еще и устроил поудобнее.

– Может, так, а может, и нет, – пробормотал Хис после продолжительной паузы, в течение которой он изучал мертвое тело. Для того чтобы лучше вникнуть в ситуацию, Хис даже поднес ко лбу собственную правую руку. Прodelав это, он добавил почти враждебно: – А почему же тогда дверь изнутри заперта?

Вэнс вздохнул:

– Эта дверь мне всю картину портит. Не будь она заперта изнутри, я бы с большей готовностью признал данный случай самоубийством.

– Ну вот, приехали! – Маркхэм изумленно воззрился на Вэнса. – Теперь вы парадоксами изъясняетесь.

– Отнюдь. – Вэнс покачал головой. – Человек с интеллектом Арчера Коу если и запланирует покончить жизнь самоубийством, то уж точно не станет чинить подобных препятствий для доступа к собственному мертвому телу. Сами подумайте: к чему запирасть дверь, к чему вынуждать родных и близких взламывать ее? Для нажатия на курок достаточно секунды; нет никакой опасности, что некто ворвется в спальню и помешает человеку вершить то, на что права лишь у Господа Бога. Имей Коу действительно суицидальные наклонности, решишь он застрелиться, его первейшим желанием было бы следующее: чтобы Гэмбл или кто-нибудь еще как можно скорее обнаружили его тело. Он не стал бы затруднять им этот процесс.

– Вы сами себе противоречите, Вэнс. По-моему, вы с теориями перемудрили, – сказал Маркхэм. – Кто, кроме Коу, мог запереть дверь изнутри?

– То-то и оно, что никто. – Вэнс испустил вздох, окрашенный безнадежностью. – Но именно это обстоятельство меня и интригует! Что мы имеем? Человек гибнет от рук преступника; тот уходит обычным путем. Труп встает и запира-

ет дверь за своим убийцей, после чего устраивается в кресле таким образом, чтобы создать впечатление суицида.

– По-моему, вся теория за уши притянута! – скривился Хис. – Ладно,ждемся доктора Доремуса. Держу пари, он скажет, что это самоубийство.

– А я, сержант, – мягко возразил Вэнс, – держу пари, что все будет с точностью до наоборот. У меня устойчивое внутреннее ощущение, что доктор Доремус со всей ответственностью заявит нам: это убийство.

На лице Хиса появилось вопросительное выражение, он воззрился на Вэнса, а не дождавшись пояснений, хмыкнул и пробормотал:

– Посмотрим, посмотрим...

Вэнс будто не слышал. Его цепкий взгляд прощупывал столешницу. Там, по одну сторону от учетной книги, лежал томик Сянь Юань Пеня, «Li Tai Ming Ts'u T'ou P'u»⁵ в одну четверть листа. Закладкой служили золотые ножницы для разрезания страниц. Вэнс открыл книгу в отмеченном месте. Это оказалась цветная вставка, фото вазы-амфоры Пин Ко Хун. Красная глазурь, как бы чуть разжиженная, переходила местами в оттенок сырой печени.

– Видите, Маркхэм, – сказал Вэнс, – Коу, перед тем как расстаться с жизнью, любовался своим последним приобре-

⁵ Иллюстрированное описание прославленных шедевров различных династий (перевод сего внушительного труда выполнен доктором С. У. Бушеллом и помещен в его знаменитой книге по китайскому фарфору). – *Примеч. авт.*

тением – двумя вазами с изображением цветущих персиковых деревьев. Не правда ли, естественнее предполагать, что человек, планирующий самоубийство, отнюдь не цепляется за ценности, оставляемые им на грешной земле.

Маркхэм ничего не ответил.

– А вот и еще одна замечательная деталь, – Вэнс указал на стопочку чистой писчей бумаги, помещенную прямо на учетную книгу. – Взгляните. Бумага лежит не ровно, а под небольшим углом – так, как положил бы ее правша, надумавший написать записку-другую. Обратите внимание также и вот на что: вверху первой страницы указано вчерашнее число – среда, десятое октября...

– Правильно, – встрял Хис. – Все самоубийцы пишут прощальные письма.

– В том-то и дело, сержант, что письмо не написано, – улыбнулся Вэнс. – Арчер Коу не продвинулся дальше даты.

– Ну и что? Взял да и передумал писать, – не смутился Хис.

Вэнс кивнул:

– Конечно, случается, люди меняют решение. Но тогда ручка была бы возвращена на свое место, в письменный прибор. Однако соответствующее гнездо в приборе пусто, а ручки не видно вообще.

– Может, Коу сунул ее в карман.

– Не исключено.

Вэнс отступил, наклонился, скользнул взглядом по полу.

Стал на колени, принялся искать под столом. Наконец извлек чернильную ручку из-под комода и не без торжественности предъявил ее сержанту Хису.

– Арчер уронил ручку, она закатилась под комод. – Вэнс положил ее возле стопки писчей бумаги. – Как правило, люди не роняют ручки в процессе написания писем, а если и роняют, то наклоняются за ними и поднимают.

Хис не нашелся с ответом, а Маркхэм спросил:

– Вы считаете, что Коу был потревожен во время своих занятий?

– Потревожен? Что ж, можно и так выразиться. – Впрочем, Вэнс выглядел озадаченным. – И все-таки следы борьбы отсутствуют, а труп сидит в кресле у письменного стола. Вдобавок смотрите, как спокойно его лицо. Глаза закрыты, он будто видит приятные сны. И дверь заперта изнутри... Очень, очень странно, Маркхэм. Необъяснимо. Невероятно.

Вэнс подошел к окну с задернутыми портьерами, вернулся к столу, закурил. Потом вдруг поднял голову, и взгляд его пронизательных глаз скрестился со взглядом Маркхэма.

– Вот именно – потревожен! Только речь не о внешнем вторжении! Коу отвлекло нечто не столь очевидное. Нечто, наводящее суеверный страх. Он был потревожен, когда находился в полном одиночестве. Что-то случилось – что-то зловещее, – и он оставил письмо, уронил ручку, забыл о ней, поднялся, сел в более удобное кресло. Затем последовал его конец – быстрый, неожиданный. Коу не успел даже пере-

обуться... Видите? Уличные ботинки – еще одно доказательство некоего ужасного смятения.

– А как же револьвер? – высокомерно спросил Хис.

– Едва ли Коу вообще видел это оружие, сержант.

Глава 3. Потрясающее открытие

(Четверг, 11 октября, 9.30 утра)

В этот миг парадная дверь отворилась и почти сразу с грохотом захлопнулась. Донесся визгливый женский голос:

– Гэмбл, возьмите мои клюшки и велите Ляну принести мне чай с маффинами, да поживее.

Женщина заспешила вверх по лестнице. Вслед ей летел умоляющий речитатив Гэмбла:

– Мисс Лейк, тут такое дело... Постойте, мисс Лейк... Я даже не знаю, как и сказать...

– Чай с маффинами, – бросила с верхней ступени мисс Лейк.

Маркхэм, Хис и я ринулись к двери и поспели как раз в тот момент, когда молодая леди достигла лестничной площадки.

Мисс Хильде Лейк на вид было под тридцать. Невысокая, крепко сбитая, сильная, она передвигалась упругой поступью человека, увлекающегося спортом. Редкий праведник без трепета выдержал бы взгляд ее серо-голубых глаз. Назвать мисс Лейк красавицей не позволял нос, слишком маленький и рыхлый; полные губы не спешили ни улыбнуться, ни округлиться в искреннем изумлении. Пегие волосы она коротко стригла и зачесывала без затей – назад от низкого лба. Под мышкой мисс Лейк держала мягкую фетровую шля-

пу. На ней был костюм из твида и высокие светло-коричневые ботинки-оксфорды на резиновой подошве. А всякому, кто заколебался бы с определением «мужеподобная», в помощь имелись белая рубашка и зеленый галстук-самовяз.

Увидев Маркхэма, мисс Лейк широким шагом направилась к нему и протянула руку для приветствия.

– Доброе утро. Что привело вас к нам в этукую рань? Полагаю, дело к дядюшке?

Хильда Лейк смерила оценивающим взглядом сначала Хиса, затем меня, нахмурилась и, прежде чем Маркхэм успел ответить, добавила:

– Что-то не так?

– Да, мисс Лейк. К сожалению, случилось несчастье, – произнес Маркхэм и попытался преградить Хильде Лейк путь в спальню Арчера Коу. – Пойдите. Подождите здесь...

Но молодая женщина оттерла плечом сначала Маркхэма, а затем и нас с Хисом и ворвалась в комнату. При виде Арчера Коу она бросилась к нему, стала на колени перед креслом и распростерла объятия.

– Не трогайте тело! – выкрикнул Хис, шагнул к Хильде и весьма бесцеремонно схватил ее за плечо, понуждая встать.

Мисс Лейк резко повернулась, сунула руки в карманы твидового жакета и застыла, широко расставив ноги. Глаза ее метали молнии.

Маркхэм поспешил разрядить ситуацию:

– До прибытия патологоанатома здесь ничего нельзя тро-

гать, мисс Лейк.

Хильда смерила его мрачным взглядом:

– А посвятить меня в курс дела закон тоже запрещает?

– Нам известно немногим больше вашего, к сожалению, – произнес Маркхэм и продолжал проникновенным тоном: – Мы сами только что приехали. Тело вашего дядюшки пребывало именно в том положении, в каком вы видите его сейчас.

Не вынимая рук из карманов, Хильда Лейк повернулась к недвижимой фигуре в кресле.

– Допустим. Какова ваша версия? – ровным голосом спросила она.

– Налицо все признаки суицида...

– Суицида? – Маркхэму достался ледяной взгляд. – Я бы это иначе назвала.

Вэнс, до сих пор стоявший в глубине спальни, у кровати, выступил вперед:

– Я тоже, мисс Лейк.

Она чуть повернула голову и вскинула брови:

– Ой, доброе утро, мистер Вэнс. Под впечатлением от дядиной кончины я вас сразу не заметила. Вы совершенно правы, это не самоубийство. – Хильда сузила глаза. – Давненько вы к нам не заходили. Похоже, заманить вас можно только китайской вазой да свежим трупом.

Определенно, в голосе мисс Лейк сквозило возмущение.

– Почему вы отвергаете версию насчет самоубийства, мисс Лейк? – с учтивостью спросил Вэнс.

– Что тут непонятного? Дядя Арчер был слишком эгоистичен, чтобы лишиться сей мир своей особы.

– Но ведь как раз эгоизм зачастую становится причиной самоубийства, – возразил Вэнс. – Человек жаждет признания, а его нет. Самоубийство дает эгоисту вожаемое чувство триумфа, пусть и минутного.

– Дяде Арчеру не нужно было добиваться минутного триумфа такой ценой, – презрительно выдала Хильда Лейк. – Соответствующие ощущения он испытывал всякий раз, когда доставал новую китайскую безделушку. Любой черепок, завернутый в шелковую тряпицу, совершенно бесполезный с точки зрения нормального человека, приводил дядюшку в такой экстаз, какого лично я бы не почувствовала, даже если бы обыграла в гольф самого Бобби Джонса.

– А разрешите узнать, какую пользу углядел бы нормальный человек в этом достижении? – улыбнулся Вэнс.

– Ах, знаю я, знаю, что вы неровно дышите к древней керамике, – добродушно отвечала Хильда Лейк. – Я вообще не пыталась блеснуть эрудицией, просто не нашла с ходу лучшей аналогии, чтобы объяснить, почему дядя Арчер никогда не наложил бы на себя руки.

– Простите меня, – склонил голову Вэнс. – Вы, безусловно, правы. Впрочем, ни мистер Маркхэм, ни сержант Хис не настаивают на версии о самоубийстве.

Хильда Лейк оглядела названных джентльменов с холодной, недоброй улыбкой.

– Отчего же? Это было бы так просто в плане расследования и вдобавок помогло бы избежать скандала.

Маркхэма изрядно задел ее тон. В привычной для себя манере, усвоенной в зале суда, он спросил:

– Как вы считаете, мисс Лейк, кто и по каким причинам мог желать смерти вашего дядюшки?

– В первую очередь – я сама, – без колебаний ответила Хильда Лейк. – Дядя Арчер меня просто бесил. Никакого взаимопонимания у нас не было. Что бы я ни задумала, что бы ни пожелала, дядюшка неизменно говорил «нет». Ущемлять меня ему было нетрудно – он распоряжался моими деньгами. С ужасом вспоминаю тот день, когда дядя Арчер был назначен моим опекуном, когда я стала полностью от него зависеть.

В ее голосе слышалась горечь. Глаза помутнели от праведного гнева, тяжелая нижняя челюсть чуть выдвинулась вперед.

– Смерть дяди Арчера в любой момент за последние десять лет была бы для меня подарком Провидения. Теперь, когда он наконец мертв, я получу наследство и стану жить, как всегда мечтала. И никто мне слова не скажет!

Маркхэм и Хис с негодованием воззрились на Хильду Лейк. В ее словах и интонациях было нечто сродни змеиному яду из тех, что парализуют жертву. Ненависть, возвращенная, видимо, на скрупулезных, мелочных ежедневных подсчетах грядущих выгод, казалась разрушительнее самих слов. Ти-

шину, повисшую после тирады мисс Лейк, нарушил спокойный голос Вэнса:

– Поистине, мисс Лейк, ваша прямота подобна глотку свежего воздуха. Однако давайте сразу определимся – следует ли нам считать эту речь признанием в убийстве?

– Пока нет, – нимало не смутившись, отвечала Хильда Лейк. – Впрочем, если официальными лицами будет признана версия насчет суицида, я, пожалуй, позднее возьму на себя ответственность за уход дражайшего дядюшки в мир иной. Исключительно чтобы защитить честь семьи. Помому, полезное для окружающих, грамотно мотивированное убийство куда пристойнее, чем какой-то там бесхребетный суицид.

Маркхэм побагровел – непочтительность Хильды Лейк взбесила его.

– Здесь не место для упражнений в остроумии!

– О, разумеется! – Хильда Лейк смирала Маркхэма ледяным взглядом. – Напротив, нам выпал отличный случай продемонстрировать скорбь. Правда, я в скорби не сильна. Ничего, буду стараться изо всех сил.

– Кто, кроме вас, – заговорил Маркхэм, из последних сил сдерживая негодование, – имел причины убить вашего дядю?

Мисс Лейк подняла глаза к потолку, как бы размышляя, и присела на краешек письменного стола.

– Всех и не упомнить, – безразличным тоном начала она. –

О мертвых принято говорить либо хорошо, либо ничего, но это полная чушь. Тот факт, что дядюшка Арчер остыл, не делает его симпатичнее. Да, есть люди, для которых мертвый он гораздо предпочтительнее живого.

Хис во время этой исполненной цинизма беседы отмалчивался, попыхивал длинной черной сигарой и не сводил с Хильды изумленных глаз. Однако тут не стерпел:

– Вас послушать, так вы спали и видели, как бы дядюшку схоронить. Что же вы тогда бросились к нему, обняли, на коленки встали, а?

Хильда Лейк окинула сержанта уничижительным и одновременно кокетливым взглядом.

– Милый мой мистер Полисмен, я лишь хотела убедиться, что дядя действительно мертв.

Маркхэм шагнул вперед и процедил:

– Вы жестокая, бессердечная женщина, мисс Лейк.

Вэнс протянул Хильде Лейк портсигар:

– Не желаете «Реджи»? Угощайтесь, прошу вас.

– Спасибо, не желаю. – Хильда глядела теперь на труп Арчера Коу. – Я редко курю. Это вредно для легких, да и для нервной системы тоже... Да, – принялась она размышлять вслух, будто вернувшись к разговору с Маркхэмом, – вряд ли кто станет скорбеть по поводу безвременной кончины дражайшего дядюшки.

Маркхэм воспользовался этой фразой:

– Вас не затруднит назвать тех, кого обрадует смерть ми-

стера Коу?

– Ничуть. И вот, кстати: есть пара-тройка китайцев, у которых дядюшка почти за бесценок выманил их драгоценные черепки. Эти джентльмены с восторгом примут весть о том, что одним коллекционером стало меньше. Вероятно, вы, мистер Маркхэм, сами в курсе неприятных слухов, что тянулись за дядюшкой с самого его возвращения из Китая. Говорят, он опустился до осквернения могил, не брезговал погребальными урнами и статуэтками с надгробий. Ему даже письма с угрозами приходили.

Маркхэм кивнул:

– Помню, помню. Мистер Коу показывал мне пару таких писем... То есть, вы считаете, его могли убить разгневанные китайцы?

– Нет, конечно. Китайцы не такие идиоты, чтобы убивать из-за никчемного куска обожженной глины.

Вэнс зевнул и прошелся между Хильдой Лейк и Маркхэмом. Снова раскрыл портсигар:

– А все-таки взяли бы вы сигаретку, честное слово. Сами знаете, курение успокаивает.

Мисс Лейк подняла на Вэнса глаза, усмехнулась – дескать, неужели? Затем, после секундного колебания, взяла сигарету. Вэнс поднес ей огонь.

– А вы что думаете обо всем этом, мистер Вэнс? – как бы между прочим спросила Хильда Лейк.

– Черт меня побери, если я хоть что-нибудь понимаю, –

беззаботно ответил Вэнс. – Впрочем, ваше предположение насчет китайцев кажется мне занятым. Нелишне было бы проверить, все ли произведения искусства наличествуют в доме.

– Не удивлюсь, если чего-нибудь недостает. – Хильда Лейк выпустила в потолок длинную ленту дыма. – Да хоть бы их все похитили! Мне лично больше нравится веджвуд, ну и классика – синий пейзаж с ивой⁶.

Маркхэм заходил по комнате.

– Боюсь, мы все чересчур драматизируем... Если смерть вашего дядюшки, мисс Лейк, наступила не в результате суицида, как тогда вы объясните, что дверь в его спальню была заперта изнутри?

Хильда Лейк встала. На ее лице впервые появилось недоумение.

– Заперта изнутри? – повторила она, переводя взгляд на дверь. – Значит, вы ее взломали! – Несколько секунд Хильда взирала на болтающуюся задвижку. – Это меняет дело.

– В какую же сторону? – осведомился Вэнс.

– Может, это все-таки самоубийство!

⁶ Имеется в виду популярный сюжет росписи, разработанный Томасом Минтоном (1765–1836) и взятый на вооружение всеми тогдашними британскими производителями фарфора и фаянса. Помимо собственно ивы, в пейзаже присутствуют два голубя, мостик с фигурками, пагода, остров, цветущие деревья. За основу взята древняя китайская легенда о дочери мандарина, сбегавшей из-под венца с простым мандаринским секретарем. Пейзаж традиционно одноцветный – синий, реже коричневый, черный или темно-красный. С определенного времени считается признаком мешанских вкусов.

Внизу зазвонил звонок, и мы услышали, как Гэмбл ринулся отпирать парадную дверь.

Маркхэм встал рядом с Хильдой Лейк, положил руку ей на плечо.

– Наверное, патологоанатом приехал. Не лучше ли вам переждать ближайшие события в своей комнате?

– Пожалуй.

Хильда Лейк шагнула к двери, сунула руки в карманы. Впрочем, прежде, чем выйти, она оглянулась:

– Умоляю, передайте Гэмблу, чтобы прислал мне чай с маффинами. Не то я умру с голоду.

Минутой позже в спальню ворвался доктор Эмануэл Доремус, мужчина жилистый, нервный, циничный, строптивый и развязный. В буром пальто и котелке, Эмануэл Доремус куда больше походил на коммивояжера, чем на врача. Он махнул нам всем в знак приветствия и бегло оглядел комнату. Пару раз качнулся вперед-назад на носках, мрачно покосился на сержанта.

– Скажите, Хис, вы нарочно подгадываете посылать за мной, когда я принимаю пищу? Только я приступил к оладьям с сосисками – и вот оно, известие от вас, извольте радоваться! Ну, что вы для меня припасли на этот раз?

Хис осклабился и пальцем указал на мертвое тело. Он давно привык к брюзжанию патологоанатома.

Доремус повернул голову и несколько мгновений равнодушно взирал на труп.

– Дверь была заперта изнутри, доктор, – пояснил Маркхэм. – Мы ее взломали.

Доремус испустил тяжкий вздох и с гримасой отвращения обернулся к сержанту.

– И ради этого надо было отвлекать меня от завтрака?.. Все, что вам требовалось, – разрешение на перемещение трупа. – Доктор полез в карман, извлек пачку бланков. – Изложили бы сразу суть дела, я бы вместо себя ассистента прислал. – В голосе теперь слышались сварливые нотки.

– Мистер Маркхэм велел мне звать вас лично, док, – оправдывался Хис. – Я же не для себя, я для истины.

Доремус, с чернильной ручкой наперевес, едва не испепелил Маркхэма взглядом.

– Классический суицид, – уверенно заявил он. – Без вариантов. Могу назвать приблизительное время смерти, если вас интересует. Вскрытие, конечно, все равно делать придется.

Вэнс прикурил очередную сигарету.

– Послушайте, доктор, – без нажима произнес он, – ни в коем случае не ставлю под сомнение наметанность вашего глаза, однако рискну попросить вас осмотреть труп. Я понимаю, профессионалам все и так ясно...

Доремус буквально вскинулся.

– Конечно, труп будет подвергнут осмотру, – прошипел он. – Труп будет вскрыт, а заключение написано во всех подробностях. Довольны вы? Что вам еще от меня нужно?

– Самую малость, доктор, самую малость, – вкрадчиво

сказал Вэнс. — Объясните, сделайте одолжение, почему вы так вот с ходу заявили, будто здесь имел место суицид?

Доремус нетерпеливо вздохнул:

— Покойный сжимает револьвер, пуля находится в правильном месте. И вообще, я на трупах собаку съел. Кроме того, дверь...

— Была заперта изнутри, — закончил фразу Вэнс. — Правильно. Но вот что насчет трупа?

— А что насчет трупа? — Доремус уже заполнял бланк. — Труп — он труп и есть. Сами поглядите.

— Уже поглядел, благодарю вас.

— Видите ли, док, — самодовольно ухмыляясь, принялся объяснять Хис, — мы с мистером Вэнсом поспорили. Я говорю: доктор Доремус скажет, что это самоубийство. А мистер Вэнс не согласен. Он думал, вы скажете, что это убийство.

— Я врач, а не детектив, — ядовито заметил Доремус. — Человек мертв, у него пуля в правом виске. Он держит револьвер в правой руке. Таковую рану можно нанести себе только намеренно. Случайности исключены. Труп сидит в естественной позе. А дверь была заперта изнутри. Остальное — ваша забота. Не зря же вы в убийном отделе служите. Вскрытие покажет, совпадает ли калибр пули и револьвера. Данные вы получите завтра. Тогда и делайте выводы.

Вэнс успел усесться на стул у западной стены и теперь безмятежно курил.

— Вас не затруднит, доктор, повнимательнее изучить пуле-

вое отверстие, прежде чем вы отправитесь доедать оладьи с сосисками? Возможно, вы также не поставите в труд осмотреть ротовую полость покойного?

С минуту Доремус взирал на Вэнса. Затем приблизился к труп и склонился над ним. По мере того как он осматривал рану от пули, брови его поднимались все выше. Доремус отвел от левого виска прядь, и все мы увидели темную вмятину у самой границы волос Арчера Коу. Ловкими, легкими пальцами Доремус коснулся вмятины, и тут-то я получил первое отчетливое впечатление относительно профессионализма этого человека. Затем Доремус чуть отогнул верхнюю губу покойного, взглянул в зубы. Даже мне, с моего места, видно стало, что зубы темны от крови. Еще несколько минут уделив рту, Доремус вновь сосредоточил внимание на пулевом отверстии.

Наконец он выпрямился, сдвинул шляпу-котелок на затылок и вперил в Вэнса пронизательный взгляд:

– Какова ваша версия?

– У меня нет версии. Мой мозг девственно чист. – Вэнс извлек изо рта сигарету, зевнул. – А вы обнаружили что-нибудь проливающее свет?

Доремус кивнул:

– Да. Много чего.

– Неужели? – Вэнс расплылся в лъстивой улыбке. – И вы по-прежнему считаете, что это суицид?

Доремус засунул руки в карманы, скривился.

– Черт возьми, нет! Дьявольщина какая-то! Ничего не понимаю! У покойника во рту кровь, на лбу слева – вмятина. Он получил мощный удар неким тупым предметом... Дьявольщина!

– А как же пуля в правом виске? – язвительно встрял Маркхэм.

Доремус поднял глаза, вынул одну руку из кармана, указал на голову Арчера Коу.

– Мистер Маркхэм, – с нарочитой церемонностью проговорил доктор, – бедолага скончался задолго до того, как ему в висок всадили пулю!

Глава 4. Странное вмешательство

(Четверг, 11 октября, 10.00 утра)

Вэнс единственный не был потрясен этим неожиданным заявлением. Хис уставился на мертвое тело, явно готовый к тому, что сейчас покойник встанет и пройдет по комнате. Маркхэм очень медленно извлек изо рта сигару; его беспомощный взгляд перемещался с Доремуса на Вэнса и обратно. Что до меня, должен признаться: холод, поистине могильный, пробежал по моему позвоночнику. Мертвец с револьвером в руке и с пулей в виске и новая информация о том, что пуля была выпущена уже после того, как наступила смерть, возымели эффект, какой производят африканские колдуны. Противоестественность этого случая пробудила во мне смутные первобытные страхи, что надежно прячутся даже в организмах, максимально обработанных цивилизацией.

Вэнс, как я уже сказал, остался совершенно спокойным: едва кивнул в ответ на слова доктора и закурил очередную сигарету, причем пальцы его ни капельки не дрожали.

– Интересная ситуация, не так ли? – пробормотал он. – В самом деле, Маркхэм, люди, как правило, не стреляются после собственной смерти... Боюсь, придется вам расстаться с версией суицида.

Маркхэм был мрачнее тучи:

– Но ведь дверь-то...

– Покойник, как правило, не запирает дверей, – перебил Вэнс.

Маркхэм обратился на Доремуса слегка ошалелый взор.

– Доктор, вы можете определить, что послужило причиной смерти?

– Могу, только мне нужно время.

Доремус тоже хмурился – такой поворот событий его не устраивал.

– Скажите, – растягивая слова, произнес Вэнс, – труп сильно окоченел?

– Да уж, изрядно.

Как бы для подтверждения своих слов, Доремус вновь склонился над телом Коу, предпринял попытку изменить положение головы покойного, взялся за руку, что свисала с кресельного подлокотника, наконец, пнул вытянутую ногу в ботинке.

– Изрядно, – повторил доктор. – Потому что смерть наступила восемь – двенадцать часов назад.

– А поточнее нельзя? – кисло спросил Хис.

– Вот все вам прямо вынь да положь, – рассердился патологоанатом. – Погодите, дайте хоть на труп как следует взглянуть... Ну-ка, сержант, берите его за ноги, а я за руки возьму. На кровать несите.

– Одну секунду, доктор, – властно сказал Вэнс. – Обратите внимание на руку, которая лежит на столе. Скажите, крепко

ли эта рука сжимает револьвер?

Доремус метнул на Вэнса еще один свирепый взгляд, колебался, но все-таки стал рассматривать руку покойного и даже коснулся его пальцев.

– Да, очень крепко.

Не без труда Доремус разжал окоченевшие пальцы и извлек револьвер, постаравшись не оставить на нем собственных отпечатков.

Хис шагнул к нему, воззрился на револьвер. Потом завернул оружие в большой носовой платок и поместил на промокашку.

– Вот еще что, доктор, – продолжил Вэнс, – ответьте-ка: палец покойного прямо на курок нажимал или как?

– Прямо на курок, – заверил Доремус.

– В таком случае можно допустить, что револьвер был вложен в руку покойного до того, как наступило трупное окоченение, верно?

– Допускайте все, что вам заблагорассудится!

Маркхэм успел взять себя в руки. На первый план вышла его знаменитая дипломатичность.

– Без вашей помощи, доктор, ни о каких допущениях и разговора быть не может, – учтиво начал он. – Вопрос, поднятый мистером Вэнсом, вероятно, весьма существенен. Поэтому нам необходимо услышать ваше профессиональное мнение.

Доремус несколько приструнил свою раздражительность.

– Необходимо – значит, услышите. Итак. Покойник мог держать оружие незадолго до смерти. Сами понимаете, я при этом не присутствовал, так что не поручусь. А если револьвер был в его руке, значит, никто его не подсовывал.

– Как в таком случае револьвер мог выстрелить?

– Никак. Но с чего вы взяли, будто он выстрелил? До вскрытия невозможно сказать с уверенностью, что пуля была выпущена именно из этого револьвера.

– А калибр совпадает?

– Пожалуй. Револьвер – тридцать восьмого калибра, и ра-на как будто соответствующая.

– Кстати, – вставил Хис, – из одной каморы заряд точно был выпущен.

Маркхэм кивнул и снова воззрился на патологоанатома.

– Если подтвердится версия о том, что в висок Арчеру Коу стреляли именно из этого револьвера, сможем ли мы допустить, как предлагал мистер Вэнс, что револьвер после выстрела был вложен в руку покойного прежде, чем наступило трупное окоченение?

– Разумеется. – Доремус говорил теперь совсем другим тоном. – Никто бы не сумел вложить оружие в руку *окочевшего* трупа.

Вэнс, даром что взгляд его, казалось, бесцельно блуждал по комнате, на самом деле прислушивался к разговору.

– Есть и другая вероятность, – проговорил он тихим голосом. – Пожалуй, несколько притянута за уши, но все же

имеющая право на существование. Известно, что покойники, в редких случаях, способны совершать разные действия.

Наши изумленные взгляды обратились к Вэнсу.

– Какие такие действия совершают покойники, Вэнс? – еле выдавил Маркхэм.

– Имеются подтвержденные свидетельства того, как самоубийцы, застрелившись, отбрасывали от себя оружие на расстояние до тридцати футов. Например, доктор Ганс Гросс в своем труде «Handbuch fur Untersuchungsrichter»...⁷

– К нашему случаю это не относится.

– Нет, не относится, – сразу согласился Вэнс и сделал глубокую затяжку. – Это так, к слову пришлось.

Целую секунду Маркхэм испытующе глядел на Вэнса, затем повернулся к Доремусу:

– Получается, смерть Коу наступила в результате удара тяжелым предметом по голове?

Патологоанатом еще немного покачался на носках, поджал губы. Затем, ни слова не говоря, принялся вновь осматривать голову Коу. Выпрямившись, он поглядел Маркхэму прямо в глаза.

– Здесь что-то странное. Имеет место внутреннее кровоизлияние. Таковое вполне могло произойти в результате удара по голове. Кровь во рту покойного, прочие признаки... Тем не менее, – тон Доремуса сделался очень важным, – удар

⁷ Имеется в виду книга «Руководство для судебных следователей» выдающегося австрийского ученого-криминалиста Ганса Гросса (1847–1915).

в левый висок, хоть и был не слаб, все же не мог привести к смерти здорового взрослого человека. Есть вмятина, не более того. От этого не умирают. Нет, Коу скончался не от сотрясения мозга и не от повреждения черепной коробки.

– И не от выстрела, – добавил Вэнс. – Вот так интрига! Однако человек мертв, и с этим не поспоришь.

Доремус кивнул Хису:

– Ну, сержант, раз-два – взяли!

Вместе они перенесли труп на кровать, раздели его и повесили одежду на стул. Доремус принялся за дело. Он очень внимательно осмотрел покойного с головы до ног на предмет ран и ссадин, прощупал кости – вдруг наличествует закрытый перелом?

Тело лежало на спине. Надавив на правый бок, Доремус замер, склонился ниже.

– Пятое ребро сломано! И кровоподтек имеется.

– Повреждение вполне совместимо с жизнью, – вставил Маркхэм.

– Конечно. Пустяки.

– Ребро треснуло до или после смерти?

– До. Иначе не было бы изменения цвета эпидермиса.

– Вероятно, и удар по голове также имел место еще при жизни Арчера Коу.

– Разумеется. Арчер Коу получил несерьезные телесные повреждения перед смертью, но не они убили его.

– Вероятно, – размышлял вслух Вэнс, – удар по голове

и сломанное ребро связаны между собой. Например, пошатнувшись после удара в висок, Арчер упал и, падая, сломал ребро. Наткнулся на некий твердый предмет.

– Не исключено, – кивнул Доремус, не поднимая взгляда от трупа. Теперь он обследовал ладони.

– Был ли удар по голове достаточно силен, чтобы лишить человека сознания?

– О да, – заверил Доремус. – Скорее всего так и случилось. Вэнс теперь симулировал интерес к сундуку из тикового дерева, что стоял между двумя восточными окнами. Он даже приблизился, приподнял крышку, заглянул внутрь и почти тотчас захлопнул сундук.

– Возьму на себя смелость предположить, – произнес Вэнс, обращаясь к патологоанатому, – что Арчер Коу очнулся вскоре после удара.

– Не поручусь. – Доремус сделал постное лицо, затем нахмурился, выражая крайнюю степень замешательства. – Он мог провести в глубоком обмороке все двенадцать часов, а мог очнуться в считанные минуты. Это зависит от разных причин... Но меня кое-что другое заинтересовало. Я обнаружил пару свежих царапин с внутренней стороны пальцев правой руки, а также свежую ссадину на костяшке. Мое мнение: Коу дрался с человеком, нанеся ему удар по голове. Однако одежда его в полном порядке, а волосы гладко причесаны.

– А еще в руке у него револьвер, он сидел в расслабленной позе и выглядел умиротворенным, – добавил Хис, не скры-

вая отвращения ко всем этим загадкам. — Значит, кто-то обижал его после драки. Скверная ситуация.

— Этот кто-то не озаботился сменить обувь на Арчера Коу, — заметил Маркхэм.

— Вот почему Коу одет в халат и в уличные ботинки, — сказал Хис, обращаясь к Вэнсу.

В ответ он получил снисходительный взгляд.

— Зачем переодевать только что нокаутированного оппонента? Зачем причесывать его? Данное предположение выдает в вас, сержант, истинного человеколюбца; однако вы не можете не согласиться, что обычно люди не поступают со своими оппонентами подобным образом... Нет, боюсь, придется нам искать иные объяснения как одежде, так и прическе Арчера Коу.

Хис поднял брови:

— По-вашему, Коу сам переоделся и причесался после того, как ему проломили череп?

— Не исключено, — проговорил Вэнс.

— В таком случае, — вмешался Маркхэм, — почему Коу заодно и не переобулся?

— Потому что нечто ему помешало.

Пока продолжался спор, Доремус перевернул мертвое тело со спины на живот. Я внимательно следил за его действиями. Вдруг доктор резко наклонился вперед.

— Вот оно что! Теперь все ясно!

От этого восклицания мы буквально подпрыгнули.

– Бедняга был заколот!

Мы подошли к кровати и проследили за жестом патологоанатома.

Точнехонько под правой лопаткой, ближе к позвоночнику, зияла четырехугольная ранка в дюйм диаметром. Края, отнюдь не рваные, были темны от запекшейся крови. Признаков внешнего кровотечения не наблюдалось. Я счел это неестественным. Маркхэм, кажется, тоже прежде с таким не сталкивался, потому что, оправившись от первого шока, задал Доремусу соответствующий вопрос.

– Не все раны провоцируют наружное кровотечение, – принялся объяснять патологоанатом. – Особенно это относится к ранам колотым, нанесенным очень острыми тонкими предметами, притом быстро. Оружие проникает сквозь мягкую ткань во внутренний орган или органы. Снаружи крови минимум, а то и вовсе нет. Зато происходит внутреннее кровотечение... Края раны мигом склеиваются. Так было и в нашем случае. Вся кровь излилась вовнутрь. Очень просто... Вот задачка и решена.

Вэнс скептически улыбнулся:

– Решена, говорите? По-моему, мы пока имеем лишь точную причину смерти Арчера Коу. И это обстоятельство чрезвычайно усугубляет ситуацию. Случай с Коу представляется совершенно необъяснимым.

Маркхэм метнул на Вэнса мрачный взгляд.

– Я бы так не сказал. По крайней мере, один пункт про-

яснился. Мы знаем теперь, что помешало Арчеру Коу завершить переодевание.

– Кстати, о переодевании...

Вэнс раздавил окурок в пепельнице, взял халат Коу и принался разглядывать его на свет. Ни единой прорехи в ткани не было. И снова повисло недоуменное молчание.

– Нет, Маркхэм, – заговорил Вэнс, пристраивая халат в изножье кровати, – Коу в момент рокового удара острым предметом был в другой одежде. Переодели его уже потом. Мертвого.

– Убийца мог сунуть руку с орудием преступления под халат, – заспорил Хис.

Вэнс только головой покачал:

– Вы забываете, сержант, что халат был застегнут на все пуговицы, а пояс – аккуратно завязан на бант. Впрочем, проверить версию не повредит.

Вэнс торопливо прошел к гардеробной, что примыкала к западной стене. Дверь была приоткрыта. Распахнув ее, Вэнс шагнул внутрь, а через несколько секунд появился с одежными плечиками, на которых висели сюртук и жилет из той же темно-серой материи, что и брюки, в которых был найден Коу. Вэнс скользнул пальцами по сюртуку и сразу обнаружил отверстие в районе правой лопатки и точно того же диаметра, что и рана в мертвом теле. Аналогичное отверстие было и в жилете.

Оба предмета одежды Вэнс поднес к свету и еще раз по-

трогал края отверстий.

– Дырки, – сказал он, – имеют жесткие края, будто на них высохла некая субстанция. Полагаю, экспертиза подтвердит, что это кровь. Нет никаких сомнений в том, что Коу в момент смерти был полностью одет и что его кровь испачкала края отверстий, когда убийца вытаскивал клинок или кинжал.

С этими словами Вэнс вернул вещи в гардеробную.

Через миг Маркхэм озвучил мысль, которая вертелась в голове у всех нас:

– Если так, значит, убийца снял с мертвого тела сюртук и жилет, повесил их в гардеробной и облачил жертву в халат.

– Ну, почему именно убийца? – возразил Вэнс. – Есть причины полагать, что после смерти Коу в комнату к нему вошел еще один человек. Он-то и пустил Арчеру пулю в висок. Разве не мог этот человек переодеть Арчера Коу?

– Интересная теория. Только не соображу, какой от нее прок, – проворчал Маркхэм.

– Никакого, – жизнерадостно признал Вэнс. – Будь даже она верной. Чего мы, конечно, не знаем. Согласен, звучит дико. Я позволил себе это предположение лишь затем, чтобы вы уяснили: на данном этапе игры мы не вправе делать какие бы то ни было выводы. Чем сильнее напрашивается тот или иной вывод, тем бóльшую осторожность следует проявлять. Ибо мы, дражайший Маркхэм, столкнулись с очень простым случаем.

Доремус уже демонстрировал признаки скуки. Версии его не интересовали, коньком патологоанатома была медицина. Обнаружив смертельную рану в спине Коу, он почувствовал, что обязанности его выполнены, по крайней мере на текущий момент. Доремус широко зевнул, потянулся, взял шляпу, которую еще раньше бросил на кровать.

– Ну, я пошел, – сказал он и добавил, прищурившись на Хиса: – Полагаю, результаты вскрытия нужны вам как можно скорее.

– Еще бы! – Голова сержанта смутно угадывалась в облаке табачного дыма. – Когда мы их получим?

– Сегодня вечером. Наберитесь терпения, сержант. – Доремус прикрыл мертвое тело простыней. – Позаботьтесь, чтобы его как можно скорее забрали в морг.

Затем, торопливо пожав руки всем нам, патологоанатом направился к двери.

– Минутку, доктор! – окликнул его Маркхэм. – Это точно не самоубийство?

– Что? – Доремус резко развернулся. – Конечно, нет. Бедняга заколот сзади. Самому так не изловчиться. Он умер от внутреннего кровоизлияния, вызванного раной под лопатку. Мертв восемь, если не десять часов. Может, и дольше. Сломанное ребро и вмятина на левом виске – пустяки, вред от них минимальный. Пуля в правом виске вообще ничего не значит – мертвее от нее ваш Коу не стал... Самоубийство? Нет, ни в коем случае!

И махнув рукой, доктор Доремус вышел.

Маркхэм некоторое время беспомощно глядел в пол, затем обратился к Хису:

– Известите ребят, сержант. Вызовите специалистов по отпечаткам пальцев и фотографа. Ну и дельце нам попало! Вас назначаю ответственным.

Маркхэм еще не закончил речь, когда Хис шагнул к телефону, помещавшемуся на прикроватном столике. После краткого изложения событий, предназначенного для передачи в разные департаменты, Хис распорядился насчет фургона, который должен был забрать тело Арчера Коу.

– Надеюсь, сэр, – чуть заискивающе сказал он Маркхэму, повесив трубку, – что вы это дело никому не переадресуете. Не нравятся мне обстоятельства смерти. Нынче ночью здесь могло что угодно случиться.

Никогда еще я не видел сержанта Хиса в такой растерянности. И не мне винить его, ведь с каждой новой стадией расследования убийство Арчера Коу представало все более запутанным и непостижимым.

– Не беспокойтесь, сержант, не переадресую, – заверил Маркхэм. – Я доведу это дело до конца, да поможет мне Бог. Должно быть какое-то совсем простое объяснение, и рано или поздно мы его обнаружим. Не падайте духом, – с отеческой заботой добавил он. – Расследование даже еще толком не начиналось.

Вэнс, сидевший в кресле с низкой спинкой и флегматично

куривший, блуждал взглядом по потолку.

– Правильно, Маркхэм, – заговорил он лениво, тем не менее раздумчиво, – объяснение, конечно, есть. Только очень сомневаюсь, что оно окажется простым. Слишком уж много в данном уравнении противоречий, притом каждое из них, похоже, уничтожает все остальные...

Он глубоко затынулся.

– Давайте, исключительно из любви к ясности, суммируем наши открытия, прежде чем приступать к допросу членов семьи, слуг и гостей... Итак. Во-первых, Коу получил удар по голове и, возможно, потерял сознание. Затем он, возможно, наткнулся на некий твердый предмет и сломал ребро. Этим событиям явно предшествовал конфликт с применением физической силы. Коу, по нашему предположению, во время конфликта был в уличной одежде. Позднее – насколько позднее, мы пока не знаем – его ударили в спину неким тонким, необычной формы инструментом, и он скончался от внутреннего кровотечения. Примерно в это же время с него сняли сюртук и жилет и спрятали вещи в гардеробной. Коу облачили в халат, застегнули на все пуговицы, повязали пояс. Ему даже волосы расчесали. Однако не сменили уличных ботинок на домашние туфли. Далее, мы находим Арчера Коу сидящим, притом весьма комфортно, в мягком кресле. Ясно, что смертельный удар он получил, находясь в иной позе. И вот, будто остальные обстоятельства недостаточно загадочны, мы узнаем, что Арчеру Коу выпустили пулю в правый

висок вскоре после того, как он скончался, и прежде, чем он окоченел. Револьвер, из которого, предположительно, была выпущена пуля, надежно устроен в руке покойного. Настолько надежно, что сам господин Эскулап не сразу его извлек. Не забудем и об умиротворении на лице трупa. Едва ли такое выражение может быть у человека, который повздорил с кем-то, подрался и получил тяжелым предметом по голове. Этот факт, Маркхэм, является одним из самых странных во всем деле. Коу расстался с жизнью, будучи в спокойном состоянии души; ну или, по крайней мере, не испытывая негативных эмоций.

Вэнс снова пыхнул сигаретой, глаза стали сонными.

– Впрочем, довольно говорить о трупe и строить догадки насчет событий, повлекших смерть Арчера Коу. Ибо ситуация изобилует и другими обстоятельствами, которые необходимо учесть. Например, дверь; мы нашли ее надежно запертой изнутри, и в то же время мы не видим признаков того, что некто входил в комнату или выходил из нее. Все окна закрыты, все шторы задернуты. Горит электричество, постель в порядке, и на ней ночью никто не спал. Следовательно, что бы ни случилось здесь, случилось оно до наступления того часа, когда Коу обычно отходит ко сну. Вдобавок следует учесть и вот какой факт: незадолго до смерти Коу читал о китайских вазах, а потом начал писать письмо либо делать некие заметки. Прибавим к материалам по делу страницу с вчерашней датой и чернильную ручку, найденную на полу...

Послышались торопливые шаги, и на пороге возник озадаченный Гэмбл.

– Мистер Маркхэм, – заговорил он, заикаясь, – простите, что мешаю вам, сэр, только . . . только там, внизу, в холле, что-то очень странное.

Глава 5. Избитая собака

(Четверг, 11 октября, 10.30)

Дворецкий был скорее изумлен, чем испуган; нас, напротив, охватили дурные предчувствия.

– Что такое вы обнаружили в холле, Гэмбл? – рявкнул Маркхэм. Сделанное Вэнсом резюме рассердило его.

– Там собака, сэр! – объявил Гэмбл.

Маркхэм явил признаки того, что вот-вот потеряет терпение.

– Ну и что?

– Избитая собака, сэр, – пояснил дворецкий.

Прежде чем Маркхэм успел отреагировать, Вэнс вскочил с места.

– Этого-то я и ждал! Избитая собака! Боже мой!.. Скорее, Гэмбл! Где она? – закричал он, выбегая из комнаты и почти скатываясь со ступеней.

Мы последовали за ним, правда, молча. Ситуация и без того была престранная, новое же обстоятельство окончательно стащило наше дело с рельсов рациональности.

– Где собака? – повторил Вэнс, оказавшись наконец в холле.

Гэмбл просеменил к портьерам, закрывавшим правую от входа дверь, и отогнул тяжелую ткань.

– Слышу – звуки какие-то странные, – принялся он объяснять. – Будто скулит кто или хнычет. Вот, думаю, только этого нам и не хватало. Заглянул за портьеру – а там собака.

– Ваша собака, Гэмбл? Или мистера Коу? Или мисс Лейк? – спросил Маркхэм.

– В том-то и дело, что нет, сэр! Потому-то я так и удивился. В нашем доме, сэр, собак не держат. Десять лет здесь служу, а ни одной собаки не упомяну. Так-то, сэр.

За портьерой, вытянув все четыре короткие лапы, лежал на боку небольшой шотландский терьер, черный с легкими рыжеватыми подпалинками. Над левым глазом зияла рана; шерсть пропиталась кровью, свалялась в ком. Сам глаз, распухший от удара, был закрыт. Зато другой глаз, темно-карий, овальный, взирал на людей с безмолвной мольбой о помощи.

Вэнс опустился на колени, погладил собаку:

– Все будет хорошо, девочка, теперь все будет хорошо.

Взяв собаку на руки, он поднялся.

– Это у нас какая улица? – спросил Вэнс, ни к кому конкретно не обращаясь. – Семьдесят первая? Отлично!.. Гэмбл, откройте дверь.

Дворецкий, удивленный не меньше всех нас, бросился исполнять распоряжение. Вэнс шагнул в холл, нежно обнимая собаку.

– Я сейчас быстренько сбегаяю к доктору Блейми⁸, – сооб-

⁸ Эдвин Реджинальд Блейми, член Королевского колледжа ветеринаров-хирургов и штатный ветеринар Американского клуба шотландских терьеров, прини-

шил он. — У него кабинет на этой улице. Скоро вернусь.

И Вэнс поспешил вниз по ступеням крыльца.

Внезапно обнаруженная породистая собака сильно нас озадачила — едва ли не больше, чем все предыдущие нестыковки, вместе взятые. Что уж говорить о столь живой реакции Вэнса, до тех пор полусонного, и его загадочной ре-марке, сделанной на лестнице! Конечно, эти обстоятельства только усугубили ситуацию, и без того отдающую мистикой; запутали ее донельзя.

Когда Вэнс унес несчастную собаку, Хис, хмурясь и сжи-мая кулаки в карманах, обратился к Маркхэму:

— Меня от этого дела уже тошнит, сэр! Только собаки нам и не хватало! Почему мистер Вэнс так разволновался? И ка-кое отношение собака имеет к убийству?

Маркхэм молчал, не сводя глаз с парадной двери и мусоля во рту сигару. Наконец он вперил сердитый взгляд в Гэмбла:

— Значит, вы раньше никогда не видели эту собаку?

— Не видел, сэр! — Гэмбл успел овладеть собой и говорил с привычной угодливостью. — Ни единого разочка, сэр. В этом доме отродясь собак не бывало, по крайней мере на моей памяти...

— Никто здесь, получается, не любит собак?

— Ни единая душа, сэр... Вот так случай! Ума не приложу, как собака в дом забралась.

Рид и Грасси вошли в гостиную и оттуда с любопытством

смотрели на нас.

Маркхэм их заметил и обратился к Риду:

– Может, вам, мистер Рид, известно что-нибудь о небольшой черной лохматой собаке, которая, похоже, нашла тайный ход в этот дом?

Рид выглядел озадаченным.

– Ровным счетом ничего, – отвечал он после недолгого колебания. – Здесь собаками не интересовались. Насколько мне известно, Арчер и Брисбен терпеть не могут животных.

– А мисс Лейк?

– Мисс Лейк к собакам равнодушна. Она кошатница. Когда-то она держала голубого перса, но Арчер заставил мисс Лейк избавиться от него.

Маркхэм нахмурился:

– Здесь, за этими портьерами, только что была обнаружена сучка породы скотчтерьер.

– Неужели? – Рид, казалось, был искренне удивлен. – Не представляю, откуда она могла взяться. Разве только увязалась за каким-нибудь визитером...

Маркхэм не ответил, а Хис, вынув сигару изо рта, воинственно шагнул вперед. На скулах у него заиграли желваки.

– Но вы-то, мистер Рид, собак любите, верно? – выдал Хис, используя усвоенные во время допросов интонации.

Рид опешил от такого натиска.

– Вообще-то да, люблю. Очень люблю. Я просто обожаю собак, мистер Хис. У меня даже была собака, но потом я пе-

реехал в квартиру, и...

– Что за собака? Какой породы? – продолжал Хис, не отступая от допросного канона.

– Доберман-пинчер, – ответил Рид и обернулся к Маркхэму. – Мне не вполне понятно, почему сержант разговаривает со мной в таком тоне.

– Мы все немного нервничаем, – извинился Маркхэм. – Нынешней ночью здесь имели место весьма загадочные и зловещие события. Коу, оказывается, вовсе не совершал суицида – он стал жертвой убийцы.

– Вот как! – пробормотал Рид. – Впрочем, я это подозревал.

Грасси издал гортанный звук и шагнул из гостиной в холл.

– Жертвой убийцы? – повторил он. – Мистера Коу убили? – Лицо Грасси было неестественно бледно, темные глаза взирали на Маркхэма в изумлении, смешанном со страхом. – Я думал, он свел счеты с жизнью посредством револьвера.

– Нет, он был заколот кинжалом в спину, – сказал Маркхэм. – А в висок ему выстрелили, когда он был уже мертв.

Итальянец отреагировал еще одним гортанным восклицанием и тяжело привалился к дверной притолоке. Его лицо смертельно побелело. Хис внимательно следил за синьором Грасси; когда тот явил признаки близкого обморока, сержант по-кошачьи метнулся к нему, только что не облизнувшись. Когда между их лицами оставалось не более шести дюймов, Хис прошипел:

– Заколот кинжалом! *В спину*. Что скажете, синьор макаронник?

Так же внезапно, как побледнел, Грасси взял себя в руки, выпрямился и с достоинством расправил плечи. Презрительная улыбка тронула уголки полных, чувственных губ.

– Я, сэр, ничего не могу сказать по этому поводу, – со спокойной учтивостью отвечал Грасси. – Я ведь не имею отношения к полиции. Полагаю, вам известно куда больше, чем мне. – Тон, безупречно вежливый, выдавал сильнейшую обиду.

– Да, нам известно достаточно, – похвастался сержант. – А когда мы еще больше узнаем, вам не поздоровится.

Маркхэм шагнул к Хису, положил руку ему на плечо.

– Погодите, сержант, – примирительно сказал он. – Прежде чем подступать к мистеру Грасси, надо опросить кое-кого еще.

Хис фыркнул и с неохотой пошел к лестнице.

– Вам, джентльмены, придется подождать в гостиной, – обратился Маркхэм к Грасси и Риду. – Очень вас прошу, не открывайте дверей, пока мы вас не позовем.

Хеннесси жестом отправил Риду и Грасси в гостиную и задвинул за ними дверь-купе.

– Идемте, Хис, – позвал Маркхэм. – Нужно еще раз осмотреть спальню Коу, пока не прибыла команда из морга.

Осмотру спальни Коу было уделено минут пять, не больше. Как я уже упоминал, комната находилась в задней части

дома, имела окна в восточной и южной стенах. Хис обошел все окна и поднял шторы. Затем приблизился к Маркхэму, стоявшему возле двери гардеробной.

– Странное дело, сэр. Все окна закрыты. Мало того, какое еще и заперто. А комната на втором этаже, так что снаружи не забраться. Тогда зачем покойному понадобились эти меры предосторожности?

– Арчер Коу был человек со странностями, – пояснил Маркхэм. – Он боялся, как бы не похитили его бесценную коллекцию.

Ответ не удовлетворил сержанта Хиса.

– Да кому нужно это барахло? – проворчал он и шагнул к письменному столу.

Маркхэм, внимательно осмотрев гардеробную, занялся сундуком из тикового дерева, что помещался у восточной стены. Тут-то я и вспомнил, что Вэнс тоже проявлял интерес к этому сундуку во время разговора с доктором Доремусом о сломанном ребре Коу.

Хис стоял теперь посреди спальни, с отвращением озираясь по сторонам.

– Идиоту понятно, – изрек он, – что в эту китайскую курирную попасть можно было только через дверь. В том-то вся и штука.

Штука, по выражению сержанта Хиса, заключалась в следующем: кроме главной двери, которую мы взломали, в комнате была еще одна – всего одна, ведущая в гардеробную. От-

дельной ванной покои Арчера Коу не имели – дом строился в эпоху, когда апофеозом водопроводной роскоши считалась общая ванная на втором этаже. Позднее мы узнали, что мисс Лейк добилась монтирования отдельной ванны у себя в комнате, на третьем этаже. Арчер Коу делил ванную со своим братом Брисбенем, чья спальня находилась также на втором этаже, только в передней части дома. Сама же ванная располагалась между покоем братьев.

– Никаких следов оружия, поразившего Арчера Коу, – констатировал Маркхэм.

– Откуда здесь быть орудию убийства? – со знанием дела подхватил Хис. – Его вытащили из мертвого тела и, уж наверное, спрятали понадежнее.

– Пожалуй, – согласился Маркхэм. – В любом случае, сержант, сделайте одолжение, откройте окна. Здесь дышать нечем. И выключите электричество, не считите за труд.

– Нельзя этого делать! – возмутился сержант Хис и тут же поспешил сгладить резкость: – Кто-то ведь запер окна на шпингалеты и зажег свет. И я хочу знать кто. Вот придет Дюбуа⁹, снимет отпечатки пальцев...

Через несколько минут вернулся Вэнс. Лицо его было взволнованно, серые глаза горели негодованием.

– Просто чудо, что собака вообще осталась жива! После

⁹ Капитан Дюбуа, эксперт-криминалист, служил в Полицейском департаменте Нью-Йорка. Хис особо оговорил, чтобы в дом Коу прислали именно его. – *Примеч. авт.*

такого удара шансов у нее было немного. Бедняжку били тяжелым тупым предметом. Сейчас ею занимается доктор Блейми. К вечеру я получу более детальный отчет о ее состоянии.

Должен заметить, я редко видел Вэнса таким расстроенным.

– При чем здесь собака? Каким боком она относится к делу Коу? – спросил Маркхэм.

– Пока не знаю. – Вэнс почти обрушился в кресло, достал сигареты. – Но чутье подсказывает мне, что малютка скотти – наша отмычка. Собака не предусмотрена условиями этой кровавой задачи – и, тем не менее, собака наличествует. Она не из этого дома, а значит, может открыть нам нечто важное.

Маркхэм вдруг прищурился:

– И вдобавок она получила удар в то же самое место, что и Коу, – в голову, в левую часть лба!

Вэнс кивнул, впрочем, без энтузиазма.

– Это может быть простым совпадением, – произнес он, подумав. – Однако следует учитывать, что здесь собак никогда не жаловали и, соответственно, не держали. Более того, я припоминаю не одно саркастическое высказывание обоих братьев о собачьем племени. Как-то Брисбен устроил читку вслух пасквиля, который настроил против собак Амброуз Бирс¹⁰. Видит Бог, это были едва ли не худшие полчаса в мо-

¹⁰ Вэнс имеет в виду сочинение Амброуза Бирса «О собаках», являющееся частью сборника «Тень на циферблате», опубликованного посмертно издатель-

ей жизни!.. Итак, Маркхэм, можно с уверенностью сказать, что никто из домочадцев покойного не приводил в холл малютку скотти. В то же время, если собака попала сюда случайно, по ошибке, любой из домочадцев мог, не задумываясь, избить ее.

– Вы полагаете, собаку привел какой-нибудь визитер?

– Нет, едва ли. – Вэнс наморщил лоб. – Появление малютки скотти весьма подозрительно. Возможно, она попала в дом в результате печального инцидента – например, просчета, оказавшегося фатальным. Поэтому-то я так заинтригован. Следует принять во внимание и вот какой факт: человек, обнаруживший скотти, не захотел просто выпустить ее на улицу. Ибо испугался. Для собственной безопасности этот мерзавец попытался убить беззащитное животное; с этой же целью спрятал собаку за портьерами. Ах, лишь Провидение спасло скотти от лютой смерти!

– Ветеринар определил, в котором часу собака была ранена?

– К сожалению, нет. Он осмотрел опухоль над глазом, принял во внимание запекшуюся кровь и сказал, что собаку избили примерно двенадцать часов назад.

– Тогда же был умерщвлен и Коу!

– Правильно. Скотти либо стала свидетельницей рокового удара, либо появилась в доме вскоре после него.

– Крайне запутанная ситуация, – пробормотал Маркхэм.

— О да, — подхватил Вэнс. — Теперь на убийцу Коу брошена дополнительная тень позора. Нам же, милый Маркхэм, надо выяснить, кто хозяин собаки. Тогда мы получим представление и об обстоятельствах нашего дела.

Маркхэм выглядел озадаченным.

— Как, скажите ради всего святого, мы найдем хозяина потерявшейся собаки? — спросил он с тоской. — Знаете, сколько таких собак слоняется по Нью-Йорку? Если наша скотти принадлежит человеку, вошедшему вчера в этот дом, человек этот едва ли станет давать объявление о пропаже. Вряд ли он откликнется и на объявление о находке.

— Вы правы, — кивнул Вэнс. — Но не отчаивайтесь, Маркхэм, все не настолько сложно. Наша скотти — не просто живая игрушка. О нет. По всем признакам, недавно она произвела фурор на собачьей выставке, заставила поволноваться признанных призеров. Пока ветеринар ее осматривал, я тоже сделал кое-какие наблюдения. У нашей скотти короткая спина, превосходная грудная клетка, идеальный хвост. Она мала ростом, имеет хорошую подвижность коленных суставов и крепкие задние лапы. Ее телосложение близко к совершенству. В чем, в чем, а в скотчтерьерах я разбираюсь. Полагаю, в этой малютке течет кровь лористонов и орнсе-ев. Ее живучесть и выносливость, в сочетании с отвагой в чуть более светлых, чем требуется по канону, глазах, свидетельствуют о вмешательстве шотландских терьеров — уроженцев Лористона, деревушки в Центральной Шотландии.

Впрочем, по моему личному мнению, это вмешательство минимально. С другой стороны, у нашей малышки отличные стати – продолговатая голова, выразительная морда, маленькие уши, чуть скошенный затылок. Следовательно, кто-то из ее предков родом с Внутренних Гебридов.

– Все это весьма познавательно, – Маркхэм с трудом подавил зевок, – но разве такие детали волнуют кого-нибудь, кроме профессиональных заводчиков? Не понимаю, нам-то какой от них толк?

– Толк будет, дорогой Маркхэм, даже не сомневайтесь, – улыбнулся Вэнс. – Эти детали поведут нас вперед. Дело в том, что в нашей стране каждый истинный ценитель отлично подкован относительно тонкостей выведения той или иной породы собак. А наша малышка скотти, несомненно, является продуктом кропотливой селекционной работы. Существуют, милый Маркхэм, такие вещи, как собачьи родословные, племенные книги, справочники производителей, профессиональные хэндлеры¹¹ и лицензированные эксперты-кинологи. Совсем нетрудно будет выяснить, кому принадлежит собака голубых кровей, если в ее экстерьере четко прослеживаются следы столь впечатляющих аборигенных пород. Более того: собака в отличной форме. Велики шансы, что совсем недавно она участвовала в выставке. А раз так, значит, скоро у нас будет еще целый набор важных фактов.

Хис не скрывал ни скуки, ни скептицизма, однако все же

¹¹ Хэндлер – специалист, готовящий собаку к участию в выставке.

спросил:

– Вы хотите сказать, мистер Вэнс, что можете найти владельца любой породистой собаки, какая только вам попадется?

– О нет, сержант! – поспешил разуверить Вэнс. – Я лишь имел в виду следующее: если собака значится в племенной книге и если без особого труда определяется основатель рода, то шансы найти владельца собаки весьма велики. Разумеется, необходимо запастись терпением.

– Только-то! – скривился Хис. – Ладно, допустим, вычислили вы хозяина псины. А дальше что? Он возьмет да и скажет: «Спасибо, сэр. Маленькая мерзавка сбежала от меня еще в прошлый четверг. Я ее обыскался».

Вэнс изобразил улыбку:

– Очень возможный сценарий, сержант, очень возможный. Но видите ли, какое дело: воспитанные, вышколенные собаки не сбегает от хозяев, не увязываются за чужаками и не проникают в незнакомые дома. Я вам больше скажу: собак таких великолепных статей, как у нашей скотти, не выпускают одних на улицу. – Вэнс откинулся в кресле, прикрыл глаза. – Тот факт, что прекрасная, ухоженная собака оказалась в чужом доме, поистине отдает мистикой. Если мне удастся разгадать эту загадку, я получу обширное представление об убийце.

Хис взглянул на Вэнса проницательно и подозрительно.

– Может, убийца – сам заядлый собачник, – процедил он

сквозь зубы. (У меня сложилось впечатление, что Хис имел в виду Рида.)

– Как раз наоборот, сержант, – возразил Вэнс, насмешливо взглянув на Хиса. – Пока мы не располагаем дополнительными данными, нам следует держаться версии, что человек, уmertвивший Арчера Коу, избил и малютку скотти. Возможно, из опасения, что она залает, тем самым...

Вэнс не закончил фразы – из холла послышались звуки шагов и голосов. Секундой позже с шумом вошли трое в штатском и двое в форме – вероятно, из ближайшего отделения полиции. При виде окружного прокурора вошедшие растерялись.

– Это дело веду я, – объявил Маркхэм. – Оно передано мне из Главного полицейского управления. Впрочем, нам понадобится два человека, чтобы охранять дом.

– Конечно, сэр! – Грузный седой мужчина в штатском взял под воображаемый козырек и обернулся к полицейским в форме: – Вы, Хэнлон, и вы, Риордан, останетесь здесь, в распоряжении мистера Маркхэма. Если что-нибудь понадобится, шеф, – вновь обратился он к окружному прокурору, – дайте мне знать. Я – лейтенант Смит.

– Благодарю вас, лейтенант.

Глава 6. Трость с костяным набалдашником

(Четверг, 11 октября, 11.00 утра)

Трое в штатском удалились – по-моему, с неохотой. Впрочем, удивляться нечему – когда дело ведет Главное полицейское управление, услуги околоточных не требуются. Этих славных парней вообще не допускают к таким расследованиям.

Итак, едва ушли ребята из местного полицейского отделения, как нагрянули эксперты-криминалисты – капитан Дюбуа и детектив Беллами, и с ними фотограф, Питер Квакенбуш.

– Особенно меня интересуют, – инструктировал Хис, – отпечатки на оконных шпингалетах, на выключателе и на дверной ручке. Мы снимем пальчики у всех домочадцев, сравним их, и тогда... Короче: мне надо знать, кто запер окна и включил электричество в этой комнате. И кто последним вышел отсюда.

Вэнс кивком отозвал сержанта в сторонку.

– Мне кажется, сержант, я могу пролить толику света на проблему, которая вас так занимает. Дело в том, что Коу сам, лично, запер окна и задернул шторы. Он же включил элект-

тричество. Должен, впрочем, сознаться – я пребываю в полнейшем неведении относительно того, кто вчера последним касался дверной ручки. К тому же боюсь, что нам не удастся выяснить это архиважный факт посредством ухищрений дактилоскопии...

Хис только заморгал в ответ. Хотел было возразить, но передумал и окликнул капитана Дюбуа:

– Слушайте, кэп, снимите отпечаток большого пальца правой руки у трупа и проверьте, совпадает ли он с отпечатками на шпингалетах и выключателе.

Дюбуа двинулся к одному из восточных окон, припудрил шпингалет желтым порошком и, прихватив свой черный портфельчик, подошел к кровати. Через несколько минут он вернулся с чернильным отпечатком пальца Коу на специальной дощечке и принялся разглядывать его в увеличительное стекло. Вскоре положил дощечку на стол, шагнул к окну, обследовал шпингалет и через секунду проворчал:

– Вы правы, сержант. Все указывает на то, что покойный сам запирает окно.

Еще несколько минут заняло сличение отпечатка Коу с отпечатками на остальных шпингалетах.

– Да, так и есть. Кругом пальчики жертвы. Правда, два отпечатка на шпингалетах размазаны, мы их изучим подробнее, но скорее всего они тоже принадлежат покойному.

Сержант покосился на Вэнса, который успел расслабиться в кресле и теперь курил как бы в полудреме, блаженно при-

крыв глаза.

– Ладно, кэп, – сказал Хис. – Займитесь выключателем и дверной ручкой.

Дюбуа сделал, как ему было велено.

– Все то же самое, – кивнул он в подтверждение собственных слов. – Конечно, я не поручусь на сто процентов, пока не будет увеличенных фотографий для сравнения. Но отпечатки с теми же особенностями – с точкой на выступе и с аналогичной бифуркацией.

– Забудьте про увеличенные фото, – помрачнел сержант. – У вас ручка еще не охвачена.

Дюбуа снова взялся за инсуффлятор, распылил порошок по дверной ручке. Используя дополнительную подсветку, внимательно изучил результат.

– Я бы сказал, что ручки касался покойный, – выдал он. – Впрочем, для полной определенности нужны дополнительные исследования.

Хис усмехнулся:

– Ручку с внешней стороны пудрить не будем. Ее нынче утром только ленивый не трогал.

Некоторое время он в задумчивости курил.

– Осмотрите револьвер, кэп. Вон он, на столе, в мой платок завернут.

Дюбуа повиновался.

– Бесполезно, – объявил он через несколько минут. – Курок с гравировкой, на нем пальцы не отпечатываются. На ле-

вой стороне, на инкрустации слоновой костью, есть размазанное пятно. Точно не установить.

– Что еще можете сказать про револьвер? – с явным разочарованием спросил Хис.

– Ничего. – Дюбуа снова нацепил монокль и склонился над револьвером. – Похоже, пушку тщательно вытерли, прежде чем этот тип взял ее в руки.

– Разумеется, револьвер вытерли, – сонно заговорил Вэнс. – Возиться с ним – только время тратить. Если на поверхности револьвера и найдутся какие-нибудь отпечатки, они стопроцентно будут принадлежать Арчеру Коу.

Несколько мгновений сержант взирал на Вэнса, затем махнул рукой в сторону Дюбуа:

– Благодарю вас, кэп. Вы свободны.

– Хотите, чтобы я предоставил фотографии в подтверждение изысканий?

Вэнс поднялся на ноги, стал давить окурок в пепельнице.

– Вы же сами понимаете, сержант, в фотографиях нет необходимости.

Хис колебался. Наконец он отрицательно покачал головой:

– Не утруждайтесь, кэп. Фотографии нам не нужны.

Не успели удалиться Дюбуа, Беллами и фотограф, как явился начальник Бюро расследований Моран, а вслед за ним – Берк и Сниткин, детективы из убойного отдела.

Моран учтиво поздоровался, задал Маркхэму несколь-

ко вопросов по существу дела. Казалось, он испытал облегчение, увидев, что расследованием занялся Маркхэм. По просьбе окружного прокурора Моран официально прикрепил к расследованию сержанта Хиса и тотчас ушел, явно радуясь, что не нужно оставаться на месте преступления.

Берк и Сниткин явились по особой просьбе Хиса. Поздоровавшись с сержантом, они застыли у камина в ожидании распоряжений.

Маркхэм уселся в виндзорское кресло у письменного стола, позвонил своей секретарше, сообщил, что задержится, закурил очередную сигару и произвел повелительный жест в адрес сержанта.

– Займитесь опросом домочадцев Коу, – сказал Маркхэм и обратился к Вэнсу: – Как вы считаете, Вэнс, начать следует с Гэмбла?

Вэнс кивнул:

– Определенно. Для затравки нам не повредит порция сплетен. Только не забудьте осведомиться, как вел себя, что говорил и куда ходил или ездил вчера братец Брисбен.

Впрочем, сразу приступить к допросу помешало очередное вторжение. Зазвенел дверной колокольчик, Хеннесси крикнул снизу, от входа:

– Сержант! Сержант! Тут из морга приехали.

Хис прогавкал приказ, и в спальню вошли двое со специальной корзиной в форме гроба. Туда они поместили тело покойного и, ни слова не говоря, утащили свою зловещую

ношу.

– Откройте же, наконец, окна, – простонал Маркхэм. – И выключите свет, будь он неладен.

Сниткин с Берком бросились исполнять распоряжение, и через миг свежий октябрьский воздух ворвался в затхлую атмосферу спальни.

Маркхэм с наслаждением вдохнул.

– Давайте сюда Гэмбла, сержант, – сказал он, откидываясь в кресле.

Одного из полицейских Хис отправил на улицу, велел никого не подпускать к дому. Второго поставил в караул у дверей спальни Арчера Коу. Берк занял пост на первом этаже, у парадной двери – его задачей было открывать посетителям. Распределив своих людей по местам, Хис лично пошел за дворецким и вскоре привел его в спальню. Маркхэм поманил Гэмбла к столу. Дворецкий сделал решительный шаг вперед; впрочем, видно было, что его колотит нервная дрожь. Лицо Гэмбла приняло оттенок подсиненной простыни, глаза так и бегали.

– Нам нужна информация обо всем, что случилось вчера в доме. Кто что говорил, кто куда ходил, и так далее, – мрачно начал Маркхэм. – Притом правдивая информация. Ясно?

– Да, сэр. Конечно, сэр. Все скажу, не сомневайтесь! – Дворецкий попытался выдержать твердый взгляд Маркхэма. Попытка успехом не увенчалась.

– Прежде всего посмотрите на этот револьвер, – Маркхэм

указал на оружие с инкрустацией слоновой костью. – Вы когда-нибудь раньше видели его?

Дворецкий покосился на револьвер и кивнул:

– Видел, сэр. Часто, сэр. Это оружие мистера Арчера Коу.

– Где Арчер Коу держал револьвер?

– В ящике стола, в библиотеке. На первом этаже, сэр.

– Когда вы видели оружие в последний раз?

– Вчера утром, сэр. Я в библиотеке прибирался. Мистер Коу оставил на столе каталог, так я взял его, чтобы спрятать в ящик. В ящике, как всегда, лежал револьвер.

Маркхэм кивнул.

– Присядьте, Гэмбл. – Он указал на стул с прямой спинкой возле двери. Когда дворецкий уселся, Маркхэм продолжил допрос: – Кто был в доме вчера после обеда?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.